

**«КАВКАЗ» ТАРАСА ШЕВЧЕНКО
НА ФОНЕ НЕПРЕХОДЯЩЕГО ПРОШЛОГО
К 150-летию со дня написания поэмы «Кавказ»**

И.М. Дзюба

*Институт литературы им. Т. Шевченко
НАН Украины*

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует книгу И.М. Дзюбы, посвящённую анализу поэмы «Кавказ» гениального украинского поэта Т.Г. Шевченко. В своей книге автор рассматривает поэму Т.Г. Шевченко с точки зрения украинского отношения к кавказской войне, к проблеме независимости, свободы народа, к освободительному движению. И.М. Дзюба опирается на исторические источники, сравнивая взгляды российских литераторов и Тараса Шевченко на кавказские злодеяния Российской империи. В книге воспроизведена поэма «Кавказ» на языке оригинала и в переводе на русский язык.

Ключевые слова: Кавказская война, национальная независимость, освободительное движение.

Дзюба Иван Михайлович родился в 1931 году на Донбассе. Окончил Донецкий педагогический институт, а затем аспирантуру Института литературы им. Т.Г. Шевченко Академии наук Украины. Работал в издательствах и редакциях журналов и газет. Печатается с 1952 года.

Член Союза писателей Украины с 1959 года (исключен по политическим обвинениям в 1972 году, восстановлен в 1980 году). Автор 15 книжек и многих публикаций на темы украинской и русской литератур, литератур народов бывшего СССР, а также самиздатовских материалов, в частности работы «Интернационализм или русификация?» (1965), изданной в 60-е годы на Западе на украинском, русском, английском, французском, итальянском языках, а также в Китае.

Подвергался политическим репрессиям. Лауреат Государственной премии Украины им. Т. Шевченко (1991). Академик Национальной Академии наук Украины (1992). В 1992—1994 годах – Министр культуры Украины. Ныне работает в Институте литературы им. Т. Шевченко НАН Украины, а также редактирует журнал «Сучасність».

Поэма гениального украинского поэта Т.Г. Шевченко «Кавказ» написана осенью 1845 года. В истории литературы не много найдется примеров того, как поэтическое произведение полтора столетия не теряет своей злободневности и моральной остроты.

Почему кавказский рефлекс стал словно бы неотъемлемой частью политической и духовной жизни России? На этот вопрос отвечает Иван Михайлович Дзюба – в советское время диссидент, ныне академик Национальной академии наук Украины. Он опирается на исторические источники, сравнивая взгляды российских литераторов и Тараса Шевченко на кавказские злодеяния Российской империи. В книге воспроизведена поэма «Кавказ» на языке оригинала и в переводе на русский язык. Предисловие написано известным правозащитником Сергеем Ковалевым.

Текст публикуется по любезному разрешению академика И.М. Дзюбы.

Предисловие

Иван Дзюба – давно и очень известный в Украине человек, известный автор, который не раз обращался к острым проблемам современности, и представлять его читателю не нужно.

Его новая книга – это анализ поэмы Тараса Шевченко про Кавказ, кавказскую войну, чеченское сопротивление и по внешним признакам – это научная книга, рассчитанная на специалиста. Но для меня и, как мне кажется, любого другого обыкновенного читателя, книга интересна не только своим научным – историческим и литературоведческим – содержанием, но и другим.

Она интересна тем, что относится и обращает нас к самому острому и актуальному, к самой непростой современности. Хотя Шевченко писал о войне прошлого века, но, как и тогда, сейчас мы все обеспокоены кавказской войной, уже современной и во многом повторяющей то, что было. И, к сожалению, автор имеет самые веские основания вновь вернуться на современном материале не только к старой незаживающей ране кавказской войны, но и проблеме общественного отношения к ней, нашего к ней отношения.

Книга интересна еще и потому, что ее автор, Иван Дзюба, пишущий о кавказской войне и чеченском сопротивлении – известный человек из другого, украинского сопротивления и уже не имперским, а советским порядкам, в свое время пострадавший за свои убеждения и имеющий о национальном сопротивлении как таковом вовсе не умозрительное представление.

В своей книге автор методично и последовательно рассматривает поэму Шевченко с точки зрения украинского отношения и, в частности, отношения Тараса Шевченко к кавказской войне, к проблеме независимости, свободы народа, к освободительному движению. А параллельно он приводит аналогии отношения российских писателей того же времени (прежде всего поэтов – Пушкина, Лермонтова – но и не только поэтов) к той же самой кавказской войне и обнаруживает некие различия.

Чем же отмечен разный, за редким исключением, подход ко всем этим вопросам у писателей двух родственных народов – русского и украинского? Прежде всего тем, что украинцы и в прежние века и потом достаточно часто чувствовали себя национальным мень-

шинством, которому в Империи жилось несладко. И поэтому их сочувствие к чужой боли, к боли другого народа очень естественно и легко возникает. Поэтому и для Шевченко эта боль и сочувствие к ней – вопрос очень родственный собственному украинскому мироощущению.

И в это же время, хотя у российских и русских писателей можно найти отдельные – и ужасающие – описания бессмысленного вандализма российских войск (как у Толстого, к примеру, описание захваченного аула, где побили скот и кур, не говоря уже о некоторых оставшихся жителях, загадили мечеть, загадили колодец и т. п.), но между тем, все-таки, отношение большинства их – это отношение через призму военной романтики, военных подвигов и приключений. А вовсе не сочувствие и понимание чеченцев в их стремлении к свободе и независимости.

Этот прискорбный факт можно объяснять и исследовать, изучать его истоки и последствия, но тем не менее он остается историческим фактом. Как остается историческим фактом и то, что и в наши дни, сейчас, в отношении позорной и грязной войны в Чечне российское общество отнюдь не проникнуто единодушным и активным ее неприятием.

Мне кажется, что главный интерес и смысл книги в том вопросе, к которому она подводит читателя – почему же мы, люди, русские, не учимся у истории, почему вновь и вновь повторяем ошибки прошлого? И в связи с этим вопросом я бы хотел сказать о понятии вины, национальной вины.

И в прошлом веке, и теперь русским самого понятия национальной вины остро недостает, и это сказывается на всей политической эволюции и всем нашем мировосприятии. Это очень не просто, но нам, русским, более привычно другое понятие – понятие национальной гордости (кто постарше, вспомнит, наверное, заголовок – «О национальной гордости великороссов!»). Оно нам очень близко и дорого, но ни разу не был – за редчайшим исключением Льва Толстого, например, – ни разу не был поставлен вопрос о том, что мы-то, русские, позволяем себе вторгаться как вандалы и поработители. Народ воспринял идею Белого Царя, берущего окружающих «под свою руку». И в советское время, увы, эта идея «старшего брата» тоже была воспринята русским народом без сопротивления. И это в нашей собственной внутриполитической эволюции трагически сказывается – мы постоянно ищем виноватых вокруг себя и никогда не смотримся в зеркало.

Вот, для сравнения, отчасти переплетающаяся новейшая история немцев, переживших гитлеризм, и нас – послесталинских. Послевоенные немцы ужаснулись: Господи, какой ужас, какие ужасные вещи мы позволяли себе не замечать, чему способствовали, что нашим именем творилось, за что мы ответственны, что мы делали! Мы же, русские, заглянув в ужасы ГУЛАГа и другие кровавые эпизоды своей истории, возмущаемся тем, что с нами делали. Не мы, а – с нами...

По-моему, история не учит нас именно потому, что мы никак не можем почувствовать своей собственной национальной вины. Именно это не дает нам возможности воспользоваться кровавыми уроками истории полезно и в полной мере.

Москва
5 мая 1996 г.
Сергей КОВАЛЕВ

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену

*Кто даст главе моей воду,
И очесем моим источник слез,
И плачуся и день и ночь,
о побиенных...
Иеремии глава 9, стих 1*

За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі.
Споконвіку Прометея
Там орел карає,
Що день божий добрі ребра
Й серце розбиває. Розбиває, та не вип'є
Живущої крові, – Воно знову оживає
І сміється знову.
Не вмирає душа наша,
Не вмирає воля.
І неситий не виоре
На дні моря поле.
Не скує душі живої
І слова живого.
Не понесе слави Бога,
Великого Бога.
Не нам на прю з Тобою стати!
Не нам діла Твої судить!
Нам тільки плакати, плакати, плакати

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену

*Кто даст главе моей воду
и очесем моим источник слез,
и плачуся день и ночь
о побиенных...
Иеремии, гл. 9, стих 1*

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон веку Прометея
Там орел карает,
Что ни день, долбит он ребра,
Сердце разбивает.

Разбивает, да не выпьет
Крови животворной —
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не охает славы Бога,
Вечного, живого.

Не нам с Тобой затеять распрю!
Не нам дела Твои судить!
Нам только плакать, плакать, плакать

І хліб насущний замісить
Кровавим потом і сльозами.
Кати знушаються над нами,
А правда наша п'яна спить.
Коли вона прокинеться?
Коли одпочити
Ляжеш, Боже, утомлений?
І нам даси жити!
Ми віруєм Твоїй силі
І духу живому.
Встане правда! Встане воля!
І Тобі одному
Помоляться всі язики
Вовіки і віки.
А поки що течуть ріки,
Кровавії ріки!
За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі.
Отам-то милостивії ми
Ненагодовану і голу
Застукали сердешну волю
Та й цькуємо. Лягло костьми
Людей муштрованих чимало.
А сльоз, а крові? Напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втопить
В сльозах удов'їх. А дівочих,
Проливих тайно серед ночі!
А матерних гарячих сльоз!
А батькових старих, кровавих.
Не ріки – море розлилось,
Огненне море! Слава! Слава!

Хортам, і гончим, і псарям,
І нашим батюшкам-царям
Слава!
І вам слава, сині гори,
Кригою окуті.
І вам, лицарі великі,
Богом не забуті.
Борітеся – поборете,
Вам Бог помагає!

И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде – спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется?
И когда Ты ляжешь
Опочить, усталый Боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И Тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки.
А пока – струятся реки,
Кровавые реки!
За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось, – в плоть до воли
И травим... И легло костьми
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови? Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки – море разлилось,
Пылающее море! Слава
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям
Слава!
Слава синим горным кручам,
Ледниками скрытым.
Слава витязям великим,

Богом не забытым.
Вы боритесь – поборете,
Бог вам помогает,

За вас правда, за вас слава
І воля святая!
Чурек і сакля – все твое,
Воно не прошене, не дане,
Ніхто й не возьме за своє,
не поведе тебе в кайданах.
А в нас!.. На те письменні ми,
Читаєм Божії глаголи!..
І од глибо[ко]ї тюрми
Та до високого престола —
Усі ми в золоті і голі.
До нас в науку! ми навчим,
Почому хліб і сіль почім!
Ми христіяне; храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! Чом ви нам
Платить за сонце не повинні!
Та й тільки ж то! Ми не погане,
Ми настоящі христіяне,
Ми малим ситі!.. А зате!
Якби ви з нами подружили,
Багато б дечому навчились!
У нас же й світа як на те —
Одна Сибір несходима,
А тюрм! а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує! У нас
Святую Біблію читає
Святий чернець і навчає,
Що цар якийсь-то свині пас
Та дружню жінку взяв до себе,
А друга вбив. Тепер на небі.
От бачите, які у нас
Сидять на небі! Ви ще темні,
Святим хрестом не просвіщенні,

С вами правда, с вами слава
И воля святая!
Чурек и сакля – все твое,

Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями.
У нас же... Грамотеи мы,
Читаем Господа глаголы!..
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте – и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас,
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано! Зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато,
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то, —
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! У нас
Святую Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал. Вот как у нас
Пускают в рай! Вы не учены,
Святым крестом не просвещены,

У нас навчіться!.. В нас дери,
Дери та дай,
І просто в рай,
Хоч і рідню всю забори!
У нас! чого-то ми не вмієм?
І зорі лічим, гречку сієм,
Французів лаєм. Продаєм
Або у карти програєм
Людей... не негрів... а таких
Таки хрещених... но простих.

Ми не гішпани; крий нас, Боже,
Щоб крадене перекупать,
Як ті жиди. Ми по закону!..
По закону апостола
Ви любите брата!
Суєслови, лицеміри,
Господом прокляті.
Ви любите на братові
Шкуру, а не душу!
Та й лупите по закону:
Дочці на кожушок,
Байстрюкові на придане,
Жінці на патинки.
Собі ж на те, що не знають
Ні діти, ні жінка!
За кого ж Ти розіп'явся,
Христе, сине Божий?
За нас, добрих, чи за слово
Істини... чи, може,
Щоб ми з Тебе насміялись?
Воно ж так і сталось.
Храми, каплиці, і ікони,
І ставники, і мірри дим,
І перед обра[зо]м Твоїм
Неутомленніє поклони.
За кражу, за войну, за кров,
Щоб братню кров пролити, просять
І потім в дар Тобі приносять
З пожару вкрадений покров!!
Просвітились! та ще й хочем
Других просвітити,

Но мы научим вас!.. Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных
Людей крещеных... но простых.
Мы не плантаторы, не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону!
По апостольским заветам
Любите вы брата,
Суєсловы, лицемеры,

Господом прокляты!
Возлюбили вы не душу —
Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке – на наряды,
На житье – сынкам побочным,
Жене – на браслетки,
А себе – про то не знают
Ни жена, ни детки!
За кого же был Ты распят,
Сын единый Божий,
В искупленье нам? За слово
Истины? Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и случилось!
Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь.
Ту братскую, что льют ручьями, —
Вот он, дареный палачами,
С пожара краденый покров!
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим

Сонце правди показати
Сліпим, бачиш, дітям!..
Все покажем! Тільки дайте
Себе в руки взяти.
Як і тюрми мурувати,
Кайдани кувати,
Як і носити!., і як плести
Кнути узловаті, —
Всьому навчим; тільки дайте
Свої сині гори
Остатній... бо вже взяли
І поле і море.
І тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката довелось пролити
Кров добру, не чорну. Довелось запить
З московської чаші московську отруту!
О друже мій добрий! друже незабутий!
Живою душею в Україні витай,
Літай з козаками понад берегами,
Розриті могили в степу назирай.
Заплач з козаками дрібними сльозами

І мене з неволі в степу виглядай.
А поки що мої думи,
Моє люте горе
Сіятиму, – нехай ростуть
Та з вітром говорять.
Вітер тихий з України
Понесе з рососою
Мої думи аж до тебе...
Братньою сльозою
Ти їх, друже, привітаєш,
Тихо прочитаєш...
І могили, степи, море,
І мене згадаєш.

*18 ноября 1845
в Переяславі*

Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайте
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поля, и море.
И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший!
Не за Украину —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови.
Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы,
Друг мой незабвенный, истинный и правый!
Ты на Украине душою витай,
Вместе с казаками мчись над берегами,
Старые курганы в степи озирай,
Закрепи слезами дружбу с казаками,
Меня из неволи в степи поджидай.
А покуда — мои думы,
Лютые невзгоды
Буду сеять я.
Пусть крепнут
В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер

Принесет с росой
 К дорогому другу думы
 Братскою слезою.
 И когда на них ты взглянешь
 И читать их станешь,
 Вновь курганы, степи, горы
 И меня помянешь.

Перевод с украинского П. Антокольского. Печатается по изданию Шевченко Т.Г. Избранные сочинения: Пер. с укр. – М.: Худ. лит., 1987.

Статья первая

Сотое и последнее покорение Кавказа
Яков де Бальмен, название рисунка 1844 года¹

І тебе загнали, мій друже єдиний,
 Мій Якове добрий! Не за Україну,
 А за її ката, довелось пролити
 Кров добру, не чорну...
Тарас Шевченко, «Кавказ», 1841

И тебя загнали, друг и брат единый,
 Яков мой хороший! Не за Украину —
 За ее тирана довелось пролить
 Столько честной крови.²
 Так началось занятие Кавказа
 Русским народом; оно продолжается
 Доселе и еще не скоро кончится...
«Русский Архив», 1883³

Одной из «родовых» примет кавказских войн Российской империи было то, что каждая из них неоднократно завершалась окончательной победой – с тем, чтобы вскорости начаться снова, ради следующей окончательной победы. И каждая из таких окончательных побед, по крайней мере в XVIII и XIX столетиях, давала новый импульс патриотическим настроениям и национальной гордости, обогащала полноту великодержавного самочувствия, с таким блеском эстетизированного многими – от Державина до Тютчева – гениями русского слова, передававшими тему покорения Кавказа друг другу словно национальную эстафету (хотя постепенно в этой теме начинали звучать и обертоны, и диссонансы). Певец «Фелицы» – Екатерины II (он же и певец ее предшественника – ее мужа Петра III, задушенного ночью в кровати инспирированными ею заговорщиками; он же и певец ее преемника-антагониста Павла I; он же и певец его сына Александра I, благословившего жестокое убийство, опять-таки заговорщиками, своего порфирородного отца) – Гавриил Романович Державин приветствовал одами (ровно двести лет тому назад) первого в длинном историческом ряду «покори-

¹ Бальмен Я.П. Повести. – Харьков, 1983. – С. 11.

² Русский перевод по изд.: Шевченко Т.Г. Избранные сочинения. – М.: Худ. Лит, 1987. – (Библиотека классики.) «Кавказ» в переводе П. Антокольского.

³ Воспоминания Г.И. Филиппсона// Русский Архив, 1888. – кн. 3. – С. 190.

телей Кавказа» – графа Валериана Зубова («К Красавцу» – название оды не случайно: «красавец», «любезный мальчик», «резвушка моя» – так Екатерина II именовала своего любимца⁴, – «На покорение Дербента», «На возвращение графа Зубова из Персии»):

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ...

Через четверть столетия «протодекабристски» настроенный двадцатидвухлетний Александр Пушкин восторженную романтическую визию Кавказа увенчает окончательным историческим приговором:

И смолкнул ярый крик войны,
Все Русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас ваша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

Через десяток лет гуманный и добросердечный во всем, что не касалось государственной политики, Василий Андреевич Жуковский в «Русской песни на взятие Варшавы», излив искренний восторг по поводу того, как «Поднялися и летят // Наши мстительные бомбы // На кипящий бунтом град» – не забывает напомнить миру как о безвозвратно совершившемся факте и о «чудном плене» Кавказских гор...

А еще спустя десяток лет Михаил Лермонтов, имевший немалый опыт личного участия в Кавказской войне и смотревший на нее совершенно иначе, чем Державин или Жуковский, и даже несколько иначе, чем Пушкин, незадолго до своей гибели в известном стихотворении «Спор», написанном, что интересно, одновременно с инвективой «Прощай, немытая Россия», – в контексте метафорических визий противостояния Запада и Востока, цивилизации и природы, колонизаторского «прометеизма» и туземного пассеизма поставил (кажется, не без грустного раздумья и сочувственного сожаления) твердую русскую точку в истории борьбы кавказских народов за независимость:

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки...
И, томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул
— И навек затих.

⁴ Русский биографический словарь. Ж-З. – Петроград, 1916. – С. 515.

Пройдет еще два десятка лет (а если точно – восемнадцать), и православный мыслитель и поэт Алексей Степанович Хомяков на заседании «Общества любителей российской словесности» 2 февраля 1860 года, подводя итоги года прошедшего, с патриотической гордостью провозгласит, имея в виду не литературные свершения, а пленение имама Чечни и Дагестана Шамиля: «Счастлив он (год. – *И. Дз.*) был для нас в отношении государственном. На юге побежден неприятель, долго утомлявший наше войско. Сломлено препятствие, долго задерживавшее развитие благосостояния в лучших Российских областях»⁵.

Для другого политического мыслителя и популярного в свое время публициста, генерал-майора Ростислава Андреевича Фадеева (кстати, нашего земляка – екатеринославца) таким знаменательным, судьбоносным годом представлялся 1864-й: «Истекший 1864 год был одним из самых счастливых, отмеченных годов нашей тысячелетней жизни. Русский народ, соединенный в те памятные месяцы как один человек, видел разом усмирение польского восстания и окончание вековой кавказской борьбы.

Имена Польши и Кавказа поставлены рядом не случайно. Действительно, дело шло для России об одном и том же вопросе на Кавказе, как в Польше; тот же момент нашей истории выразился одинаково на двух окраинах империи. Почти одновременно русский народ встретил в своем естественном росте два препятствия, перед которыми он не мог остановиться, не отказываясь от половины уже совершенного пути: одно на европейском, другое на азиатском рубеже. И там, и здесь необходимость преодолеть эти препятствия вызвала столетнюю борьбу, то явную, то подземную, но непрерывную и не допускающую никаких сделок, до такой степени, что всякая сделка, как доказал опыт, положительно вредит окончательному результату. И там, и здесь покорение противника было не целью, а только средством навсегда обезопасить от враждебных покушений, прочно укрепить за собою свое родное, несомненно нам принадлежащее. В продолжение почти целого столетия Кавказ был для нас буквально «азиатскою Польшей»⁶.

Но и после этого еще долго будут приходить с Кавказа победные репортажи. И поэтическая эстафета кавказопокорения будет продолжаться, хотя изменится калибр ее участников и сама она постепенно получит другие формы и значение.

Начиная со середины XIX ст., в общественно-политических, литературно-художественных и научно-исторических изданиях России публикуется огромное количество материалов на темы «покорения Кавказа». В некоторых из них проскальзывают сомнения в целесообразности отдельных аспектов российской политики на Кавказе и плодотворности ее результатов, неодобрение методов военного подавления. Но в большинстве – глаголируется «установление Русского владычества на Кавказе» или же оно принимается как несомненно свершившийся исторический факт. Появляются многочисленные воспоминания «героев» и участников карательных экспедиций, бахвалящихся своими жестокими «подвигами». Эти сакрализованные «подвиги» официоз широко использовал как образец в патриотическом воспитании воинства в духе слепой и кровавой преданности «престолу».

И не случайно накануне и в самом начале Первой мировой войны торжественно отмечаются очередные кавказские юбилеи: в мае 1914 года – 50-летие «со дня полного покорения Кавказа», а в августе – 55-летие «пленения Шамиля». Эти юбилеи использовались как возможность еще раз проникнуться военной славой империи:

«Знаменательные юбилейные дни покорения Кавказа, пленения Шамиля, полные отзвуков былой, величественной, кровавой эпопеи, тесно связаны в памяти русского человека с героическими славными именами. Ермолов, Воронцов, Евдокимов, Бяргинский – много, много

⁵ Хомяков А.С. Поли. собр. соч. Т. I. – М., 1861. – С. 506–507.

⁶ Фадеев Р. Письма с Кавказа редактору «Московских ведомостей». – С.-Петербург, 1865. – С. 5-6.

лучших сынов России потрудились в течение долгих десятилетий над покорением прекрасного, но дикого края, ставшего ярким бриллиантом в венце властителей России»⁷.

Не мне судить о «лучших сынах», но того, как они «потрудились», ни обойти, ни объехать. Впрочем, об этом далее.

Тем временем логически возникает вопрос: почему на историю России вот уже более двух столетий ложатся кровавые отблески кавказских войн и кавказский рефлекс стал как бы неотъемлемой приметой политической и духовной жизни России? Почему царизм так упорно стремился овладеть Кавказом, не считаясь ни с какими человеческими жертвами и материальными затратами? И почему именно эта боговдохновенная (если верить ее инициаторам) акция царизма оказалась самой продолжительной и жестокой во всей далеко не голубиной истории Российской империи?

Известно, что далеко не всякая империя в мировой истории отличалась таким благородством целей и мотивов, как Российская. В свое время один из классиков учения, которым благословилась новая, Советская Россия, а именно Фридрих Энгельс, писал: «Любой захват территории, любое насилие, любое угнетение царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма, освобождения народов»⁸. И горький сарказм истории в том, что именно идеи двух наибольших обличителей экспансии российских царей («русофобов») – Маркса и Энгельса (вспомним хотя бы сокрытые от советского читателя Марксовы «Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия», его утверждение о том, что «Московия воспиталась и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства»; его характеристику российской политики как следствия «кровавой мути монгольского рабства»; оценку Петра Великого как «сочетавшего политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского господина, которому Чингисхан завещал свое покорение мира»; или его тезис о «воплях агонизирующих народов», сопровождавших «непреодолимое влияние России»⁹) – именно их идеи стали знаменем новой, небывалой, уже глобальной миротворительной экспансии...

Но еще раньше российский империализм выработал целый сакральный ритуал освободительного таинства.

Вот многократно испытанная его модель.

Сначала обращалось благосклонное внимание на ту или иную соседственную страну, по возможности единокровную, или единовенную, или же могущую быть приведенной в такое крайне удобное для освободительства состояние (не в последнюю роль степень потенциальной освободимости определялась и стратегическим значением данной страны). Затем обнаруживалось, что соответствующий народ пребывает в безысходном положении вследствие внешних угроз и произвола собственных правителей, а еще лучше – и того, и другого вместе. Единственным способом оградить соседственную страну от внешнего порабощения и внутреннего развала было – милостиво взять ее под свой протекторат. (По возможности – по просьбе самих туземцев. В традициях римских завоевателей: «Какую бы страну римляне ни занимали, они делали это по призыву туземцев», – утверждал Макиавелли¹⁰. Особенно трогательную преданность принципу добровольности и «инициативы снизу» демонстрировала Екатерина II. Даже ликвидацию украинских школ и замену их казенными русскими, даже упразднение выборности и самоуправления украинского духовенства, подчинение его имперской администрации – и то она осуществляла на просьбы «снизу», на каковой предмет да-

⁷ Из кавказской старины: Заметки современников. – Историческая летопись, 1914. Кн. 8. – С. 943.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 22. – М., 1962. – С. 24.

⁹ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия. – Центральная научная библиотека НАН Украины. – СО7905. – [На правах рукописи.] – С. 101; 116; 96.

¹⁰ Макиавелли Н. Сочинения. – М.-Л., 1934. – С. 217.

вала четкую инструкцию своему наместнику в Малороссии графу Петру Румянцеву: «Желаю, чтобы вы тамошних нескольких называемых панов склонили к подаче челобитной, в которой бы они просили об лучшем у них учреждении школ и семинарий; и если можно, о положении духовенства в штатское состояние от духовных или светских такую же челобитную иметь, то б мы уже знали, как начать»¹¹. Как видим, обходились даже без «всенародного» сбора подписей...)

Вот так освобождали, воссоединяли, устанавливали отеческую или материнскую опеку – не считаясь с собственными издержками. Однако великодушные вовлекает в растущий ряд обязательств. Освобождение – акт не формальный, а сущностный, и освободитель не может, даже если бы и хотел, остановиться на полпути. Обычно оказывалось, что и после установления российского протектората туземная администрация продолжала бессовестно эксплуатировать свой народ и совершенно не заботилась о его экономическом и культурном благоустройении. Чтобы спасти данное общество от его «внутренней лжи» и «шатости», а простолюдье – «от мучивших его вдруг многих маленьких тиранов» (екатерининская мотивация упразднения института гетьманства и самоуправления в Украине)¹², – приходилось делать следующий шаг и вводить «русское гражданское управление», «новые порядки», «имевшие единственной целью благоденствие народа»¹³, и соответственно завозить собственную чиновничью, купеческую и иную братию. На этом освободительная мистерия как таковая могла бы и окончиться, дав твердое начало мирному благоустройению в новых и отныне незыблемых пределах... Но увы!.. Начиналась неминуемая «измена» и «крамола» («Присоединяя Имеретию уловкою и против желания царя, потому что обстоятельства того требовали, приобрели в особе сего владельца тайного злодея, в князьях сего царства предателей и изменников...»¹⁴; «...Опыт толиких измен в Грузии, начиная от высших степеней, нисходя до народа, доказывает, сколь Правление Российское ими мало терпимо, или совершенно противно»¹⁵; «...Далеко не все, кто смирился, обрел покой. Случилось совсем наоборот: невежественные, грубые чиновники, взяточники сделали русское господство невыносимым. Отсюда измена Хаджи-Мурата, Даниэль-бека и многих других. Отсюда и восстание Большой и Малой Чечни и Аварии – целой части Дагестана. Если народ однажды добровольно покорился, а потом восстал, значит, причиной тут – дурное управление, на которое он было согласился, а потом осознал, что оно душит народ»¹⁶).

Вся история Российской империи преисполнена жалоб на «измену», кар за «измену», поисков «измены» и упреждений возможной будущей «измены». В чем же секрет этого феномена, этого нигде более в мире не виданного (по крайней мере, в таких масштабах) явления? Видимо, в самом причудливом содержании этого понятия, как его разумел российский царизм сукупно со своими стратегами и моралистами. Тут надобно обратить внимание на одну принципиальную особенность российского колониализма. Когда Россия (как царская, так и большевистская) хотела подчинить соседний народ, она, как уже отмечалось выше,

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.6. – С.-Петербург: Общественная польза, 1864. – С. 122.

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 т. – Общественная польза, 1864. – Кн. 6. – С. 37.

¹³ Накко А, Очерк Гражданского Управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806—1812 года. Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 11. – Одесса, 1879. – С. 294.

¹⁴ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 91.

¹⁵ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Унив. тип., – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 92.

¹⁶ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 198.

сначала или провозглашала его братским и равноправным, или же признавала туземцев подданными империи, а потом уже шла на них войной, чтобы любыми способами загнать их в это почетное состояние. Даже закрепощение Украины Екатерина II предприняла единственно с целью «уравнения свободностью малороссийского, равно подданного-же Ея Императорского Величества народа»¹⁷. Следствием такой неповторимой логики было то, что всякое сопротивление захватчикам наперед объявлялось «изменой отечеству».)

Итак, вместо благодарности – новые тяжкие хлопоты, требовавшие пребывания и содержания (правда, за счет самих туземцев) огромной армии казеннокоштных пособников освобождения, да и доблестного воинства («Для обуздания сих развратных необходимо нужно содержать число войск, могущее внушать почтение к имени Россиян!»)¹⁸. И уже за плотно закрытым занавесом долго и мучительно – иногда годы, иногда десятилетия, а иногда и столетия – доигрывался финал освободительной мистерии: большей частью освободительную удавку затягивали до конца, до последнего хрипа; иногда же, вследствие «политических обстоятельств», «исполнение этого намерения» отсрочивалось до «более подходящего времени»; и только в редких случаях приходилось вообще лишать народ дарованной ему свободы и позволять ему снова впасть в рабство к себе самому и в политический «разврат».

Описанная тут методологическая схема освободиловки – вовсе не плод преувеличения и шаржирования, скорее наоборот – сухая вытяжка из роскошномутной исторической материи. Для оживления предмета можно было бы привести немало удивительных эпизодов – не только из «малороссийской» или «киргиз-кайсацкой» истории, но и из армянской, грузинской, или, скажем, из истории не совсем удачного и не окончательного, но ведь как классически задуманного освобождения княжеств Бессарабии, Молдавии и Валахии в годах 1806—1812¹⁹.

Было лишь одно принципиальное выпадение из этой методики в сторону упрощения – имею в виду «освоение Сибири», когда имперская концепция еще не скристаллизовалась и когда разбойная вольница под водительством полуполицейских конкистадоров типа Ермака осуществляла «народную дипломатию» без каких-либо формальностей, запросто вырезая и выстреливая десятки «диких» народов, от многих из которых и имени не осталось.

(Кстати, эти мутно-трагические страницы истории настолько надежно забыты – ради комфорта патриотической совести, – что многочисленные апологеты «естественного расширения России» приводят Сибирь как пример чуть ли не идиллического – в прошлом – симбиоза завоевателей с покоренными племенами. Даже умеренные и серьезные публицисты поддаются самообману. Вот что пишет Марк Фейгин: «...Опыт мягкого присоединения народов и племен у России к XIX веку был накоплен немалый: это Сибирь, народы русского Севера, Калмыкии, кабардинцы, осетины и другие»²⁰. О кабардинцах и осетинах у нас еще будет случай сказать далее, а пока что – о Сибири. Но дадим голос еще одному уважаемому публицисту – С.Г.Кляшторному: «Переселение россиян на восток Евразии никогда не сопровождалось политикой геноцида, уничтожения даже самых малочисленных групп аборигенного населения, как это нередко случалось при создании многих других империй нового времени»²¹. Сам Александр Исаевич Солженицын активно популяризирует эту версию: «Россия имела и имеет необъятные просторы, присоединенные, надо сказать, большей частью мир-

¹⁷ Соловьев СМ. История России... Кн. 5 – С.-Петербург: 1864. – С.787.

¹⁸ См. сноску 1. С. 93.

¹⁹ Накко А. Очерк Гражданского Управления в Бессарабии... //Записки Императорского Одесского об-ва истории и древностей. Т. 11 – Одесса, 1879. – С. 269—312.

²⁰ Фейгин М. Вторая кавказская война //Новый мир. – 1995. – №12. – С. 161.

²¹ Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийская перспектива // Звезда. – 1995. – №9. – С.206.

ным путем. Например, Сибирь, кроме столкновения с Кучумом, почти не потребовала завоевательных действий...»²².

Грустно все это читать. Будто и не существовало документальных свидетельств, научных исследований ученых конца XIX – начала XX ст. (в том числе и «раннесоветской» поры – 20-х – начала 30-х годов), народных преданий и фольклорных памятников – о том, как на самом деле происходило «мягкое присоединение... Советую современным глорификаторам «сибирского варианта» прочесть, из обширной литературы, хотя бы вогульский эпос «Янгал-Маа», когда-то изданный в русском переводе М.Плотникова, а тут приведу лишь небольшой отрывок из предисловия самого переводчика:

«Первым народом, которому суждено было принять удар русских завоевателей, двигавшихся к Сибири, были вогулы... При приближении русских поселений к Уралу вогулы оказали сильное сопротивление новым пришельцам и даже потом, в конце XVI века, оцепленные со всех сторон сетью крепостей-острогов, продолжали бороться с русскими... Завоевание русскими сосредоточило мысли и желания вогульского народа на борьбе за свое национальное освобождение... Яный Келб (герой национального эпоса. – *И.Дз.*) перечисляет те насилия и жестокости, которые творили русские после победы:

Отобрали нашу землю,
 Наши реки и уголья,
 Обложили наши дымы
 Непомерной тяжкой данью,
 Взяли жен, а мы рабами
 Стали им служить покорно.

С приходом русских

Прилетела смерть немая,
 Посылая нам болезни,
 На оленей мор звериный...

Эти слова Яный Келба – слова всех сибирских народностей...

С каждым днем их (русских) было больше,
 Наш народ же уменьшался, —

замечает Яный Келб...

Горестное настроение вогульского народа перед лицом грозящей ему гибели выливается в плач; плачут не только люди, но и рыбы, птицы, звери, лес и вся природа... Произошло одно из тех восстаний угнетенных северных народностей, которыми пестрит вся история Сибири с начала XVII по XIX век»²³.)

Но и «кавказский вариант» имел свои особенности, отклонения от нормативной схемы. Они обусловлены были, во-первых, запутанным и ретардационным сюжетом длительных войн с Персией и Турцией в Закавказье; во-вторых, столкновением с интересами британского и французского империализма в Азии; в-третьих, наличием на Кавказе сложной мозаики мелких княжеств и независимых феодальных владений, затруднявшей ориентацию царских стратегов и создававшей эффект «увязания», но одновременно дававшей им возможность ве-

²² Солженицын А. Интервью с Витторио Страда // Москва. – 1995. – №9. – С. 157.

²³ Плотников. М.А. Янгал-Маа, вогульская поэма. – М.-Л., 1933. – С. 9—11, 39—40.

сти тут гибкую военно-дипломатическую игру; в-четвертых, вспышкой – во время «тотальной» стадии Кавказской войны (1817—1864) – религиозного национально-освободительного движения горцев, получившего название «мюридизм» и сочетавшего идею газавата, или джихада (священной войны), с суфийской версией ислама, бурно распространившейся среди горцев.

Об этом следует сказать несколько слов. Мюридизм, олицетворенный в ставших легендарными фигурах Кази-Муллы, считающегося его основателем, и его последователя Шамиля, дал идеологию борьбы против порабощения «гяурами» и в то же время своим суровым моральным кодексом в какой-то мере отвечал демократическим традициям и чаяниям горцев. Интересно суждение Александра Дюма-отца, совершившего в 1858 году длительную поездку в Россию и на Кавказ и опубликовавшего затем два тома путевых очерков: «От мюридов требовали полного игнорирования всех благ мира и созерцания, молитв и покорности. Эта покорность одного всем и всех одному вытекает из самой полной демократии, но предполагает безоговорочное подчинение приказам начальника, то есть имаму». При этом Дюма просит «читателей не доверять предубеждениям русских, которые, естественно, питают их к неприятелю, – предубеждениям, иногда превращающимся в клевету»²⁴.

Многие исследователи отмечали своеобразный демократизм общественного быта горцев. Так, полковник генерального штаба П. Романовский в своих публичных лекциях, изданных в обширном томе «Кавказ и кавказская война», констатируя, что «равенство сословий вполне существовало только у Чеченцев и других племен менее значительных», а у «Черкес, Кабардинцев, Кумыков и Осетин с самых древних времен существовали привилегированные сословия князей, дворян и людей свободных», в то же время оговаривался, что дела общественные «решались на народных собраниях, где все свободные люди имели право голоса, и решения исполнялись чрез избираемых на тех же собраниях лиц, которым только временноверялась власть, необходимая для исполнения поставленного решения»²⁵.

Исследователь раннесоветского времени подчеркивает несовместимость горского демократизма с российским абсолютизмом и видит в этом одну из основных причин столь решительной борьбы царизма с горцами: «...русский абсолютизм, конечно, не мог ужиться с демократическим строем, пустившим глубокие корни во многих обществах горских народов. Отсюда борьба России с родовым бытом и вообще с демократическими тенденциями горцев Кавказа»²⁶. (Естественно напрашивается некоторая аналогия с судьбой Запорожской Сечи...)

Разумеется, официальная идеология об этом умалчивала...

Незабвенный популяризатор официальных версий российской истории Д. Иловайский по свежим следам Кавказской войны давал такое объяснение причин ее возникновения: «Начало Кавказской войны относится к концу XVIII столетия, когда Грузия вступила в подданство России и кавказский хребет очутился между русскими владениями. Сначала русские ограничивались оборонительными действиями от набегов разбойничьих племен; с назначением генерала Ермолова главнокомандующим (1816) наше владычество мало-помалу стало проникать в горы»²⁷.

Более существенное объяснение давал в своей монографии «Выселение горцев с Кавказа» известный ориенталист, глава Археографической комиссии в Тифлисе Адольф Петрович Берже: «Кавказская война началась не в силу каких-нибудь политических задач или дипло-

²⁴ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 27; 29.

²⁵ Кавказ и кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году генерального штаба полковником Романовским. – С.-Петербург, 1860. – С. 191—192.

²⁶ Кокиев Г. Военно-колониаторская политика царизма на Кавказе // Революция и горец. – 1929. – № 5(7). – С. 36.

²⁷ Краткие очерки русской истории / Сост. Д. Иловайский. – М., 1867. – С. 396.

матических соображений, но была естественным результатом государственного роста России. Оттого, с одной стороны, война эта тянулась так долго, а с другой, большинство не видело в ней никакой цели, никакой пользы и горько жаловалось на бесплодное истребление государственных средств, на продление ненужного кровопролития»²⁸.

(Как видим, это мнение перекликается с ранее приведенными соображениями Р. Фадеева. Однако: как отделить «государственный рост» от «политических задач» и «дипломатических соображений»?)

Но то, чего «большинство не видело», видели стратеги, вдохновленные прозрениями Петра Великого. «Только один раз в течение 300 лет наши завоевательные действия на Кавказе были осмыслены глубокою государственной мыслью. Гениальный преобразователь России, в своих дальновидных заботах о ее будущности, постиг разом значение Каспийского моря и прилегающих к нему земель. Могучий ум его охватил всю цельность политико-экономических интересов России в Средней Азии и Индии...»²⁹.

А вот популярное объяснение этих геополитических материй – для российских солдат, которым выпало счастье быть орудием исторических предначертаний их царей:

«Много лет тому назад наша родная Матушка Россия хотя и была велика, но куда же меньше, чем в нынешнее время. Кавказ еще не был нашим; Западный край, где теперь губернии: Варшавская, Петраковская, Виленская, Каменец-Подольская и другие – составляли Царство Польское, Крым принадлежал крымским татарам; не было у нас Туркестана и Закаспийской области и многих других стран. Вот вы, братцы Апшеронцы, и раскиньте теперь умом: сколько же положено труда и сколько пролито крови, чтобы приобрести столько новых земель!

(...) Лет с двести тому назад царствовал на Руси Император Петр Великий... Назвали этого Царя Великим потому, что все дела его были великие. Император Петр образовал в России правильное войско и воевал со Шведами и Турками. От Шведов отнял много земель и основал г.Петербург. Но мало этого показалось нашему Царю, и задумал он поход против Персии, чтобы отобрать у нее часть Кавказа около Каспийского моря»³⁰.

Впрочем, были и другие, кроме геополитических, мотивы к действиям на Кавказе и Закавказье – торговые и экономические. В одном из документов того времени упоминается «представление Графа Пушкина» (очевидно, Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина, ученого, исследовавшего, в частности, минеральные ресурсы Кавказа и Закавказья) – как будто бы «первоначальный повод занять Грузию», – а в нем отмечены оппонентом такие пункты: «1. Присоединится изобильная земля металлами, жатвами и скотоводством»; «2. Обеспечится Кавказская линия обузданием Горских народов»; «3. Откроется обширное поле к торговле Персидской и Индийской»; «4. В случае разрыва с Портою, Россия могла бы со стороны Анатолии сделаться страшною как Турции, так и Персии»; «5. Поздние виды на владения Персиян могли бы способствовать к утверждению Индийского торга»³¹.

В «записках» и корреспонденции царских чиновников уже в первой половине XIX ст. появляются упоминания о нефти в Баку и в Чечне. Этим находкам придается должное значение. Впоследствии Д.И. Менделеев в своем научном труде «Нефть» отметит, что первая попытка использовать кавказскую нефть как товар предпринята еще в 1823 году, а начиная с 60-х годов нефтяной промысел получает бурное развитие³². (Кстати, «Литературная Россия»,

²⁸ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская Старина. – 1882. – Кн. 33 – С. 168.

²⁹ Там же – С. 170.

³⁰ Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка. 1700—1894: Краткая история Апшеронского полка для солдат/ Составил того ж полка капитан Л. Богуславский. – С-Петербург, 1894. – С. 2—3.

³¹ Чтения в императорском обществе истории... – М.: Унив. тип., – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 87-93.

³² Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. – М., 1960. – С. 437; 443; 445.

как известно, своеобразно понимающая «интересы России» на всех широтах и долготах, в самый разгар противочеченской бойни опубликовала – в числе других ультрапатриотических материалов на темы Кавказа – отрывок из нового романа Александра Коротина, посвященного как раз теме «освоения» Россией чеченской нефти. Русский самородок-предприниматель Василий Дубинин предложил изготавливать из нее фотоген (керосин). У него далекоидущие планы: «Ежели бы я эту нефть торговал по вольной цене, не только на Кавказе, а и по всей России, а может, и в Европу сунулся с моим товаром...», на что принимающий его генерал отвечает: «А меня Чечня, Шамиль, беспокоит. Коли не я со своим войском, прибрали бы здешние уздени и нефть российскую и фотоген, тобою полученный...»²³³ Каково?! Оказывается, чеченцы давно зарились на исконные российские недра в Чечне!)

Интересы русского торгового и промышленно-финансового капитала, землевладельцев, купцов и предпринимателей были далеко не последним рычагом политики царизма на Кавказе.

Кавказские войны происходили на более широком фоне межгосударственных отношений, столкновений интересов в этом регионе. Сначала тут приходилось непосредственно сталкиваться с Персией и Турцией, затем – с британскими имперскими интересами (близость Индии), с французскими (в частности, шла борьба между Россией, Англией, Францией, другими европейскими державами за турецкий рынок; позже появился аппетит к бакинской нефти). Значительное влияние оказывали и европейские факторы: длительная борьба европейских держав с Турцией; политика Австрийской империи; походы Наполеона и др.

Российская дипломатия умело использовала как соперничество между Турцией и Персией за господство над территориями между Черным и Каспийским морями, так и – династическую борьбу и волнения в этих странах. И тайно, и явно поощряла Россия распри между феодалами Кавказа; ощутимым подспорьем ей было недовольство населения, особенно христианского, гнетом и жестокостями турецких и персидских захватчиков. Нередко население, ввиду турецкой или персидской угрозы, само просило защиты у русских войск, но неизбежно приходило горькое разочарование и начинались восстания уже против русского господства (так было не только на Северном Кавказе, но и в Грузии, Армении, Азербайджане).

Наученные горьким опытом, народы Кавказа с подозрением относились к прояскам на Кавказе английской и французской дипломатии, активизировавшихся во время Крымской войны. Тут помнили, что Англия в свое время никак не отреагировала на захват Крыма³⁴; фактически никакой помощи горцам не оказывала (даже Турция, у которой горцы, естественно, искали поддержки, «реагировала очень слабо»: «Вся забота Турции о горцах сводилась не к реальной помощи им, а в усилении проповеди ислама среди них через проповедников; эти же проповедники убеждали горцев в необходимости сопротивляться русским»³⁵) Англия и Франция не скупилась на «демократические» обещания – обещания признать независимость кавказских народов. Но это была лишь пропагандистская риторика. «Ни англичане, ни французы этой независимости дать горцам не могли, и это горцы знали на опыте: когда к горцам как раз в это время прибыли английские и французские дипломаты, последние ни слова не проронили горцам об их независимости и самоопределении, а разговор все время был вокруг вопроса об их подчинении Британскому правительству или Франции. Но на это

³³ Борзенко А. Кровь цвета горячей нефти // Лит. Россия. – 1995. – 3 февраля.

³⁴ Кемпбель Джордж Джон Дуглас. Ответственность Англии в Восточном вопросе. Факты и воспоминания за сорок лет. – С.-Петербург, 1908. – С. 7.

³⁵ Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. – 1929. – № 4(6). – С. 30.

горцы дали достойный ответ, а именно, что горцы воюют с русскими только потому, что они отнимают у них земли, и если французы или англичане так же будут поступать с ними, горцы будут также вести войну с ними с большей ожесточенностью»³⁶.

Горцы заявили, что «ничьей власти над собой не признают и будут бить русских и турок»¹³⁷.

Известно, что в период Крымской войны Шамиль не проявлял ожидавшейся активности и не оправдал надежд англо-франко-турецкой коалиции, рассчитывавшей на его помощь, чем очень разочаровал их. Начальник штаба британской армии генерал Виндаш говорил: «... кавказские горцы, в особенности Шамиль, обманули наши ожидания»²³⁸.

Все это опровергает мифы имперской и советской пропаганды о том, что движение и борьба кавказских народов были инспирированы извне и извне поддерживались, – мифы живучие и время от времени раздуваемые снова и снова...

Однако возвратимся к более ранним временам.

Начиная персидский поход 1722 года, Петр I дал инструкцию своему консулу в Тегеране Аврамову – заверить шаха, что русская армия идет в Закавказье лишь для того, чтобы устранить угрозу захвата Персии Турцией (!), то есть вроде бы как на выручку ничего не подозревавшей Персии: «Предлагай шаху новому или старому или кого сыщешь по силе кредитов, что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали (...) Турки не оставят всей Персией завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, но себе оную владеть (...) только по морю лежащие земли отберем, ибо тут турок допустить не можем»³³⁹.

В 70 – 80-х годах XVIII ст. главной задачей политики Екатерины II на юге было овладение Крымом. Действия на Кавказе рассматривались как маневр для отвлечения турецких сил. После решения «крымского вопроса» наступление на Кавказ усиливается.

16 июня 1783 года Потемкин требует от командования Кавказской линии дать ему «верные сведения» о народах Прикаспия: «Все сие необходимо мне надобно для будущих о границах наших предположений, дабы утвердить оные с надежнейшей точностью и в полную навсегда безопасность»⁴⁰. Однако энциклопедические поползновения «светлейшего» имели своеобразный подтекст, прозрачнее выявленный в его письме командиру на Кавказской линии де Бальмену (не из предков ли Якова де Бальмена?): «Ваше сиятельство должны войти, как можно короче, в обстоятельства взаимные между горными народами и старайтесь питать между ними несогласие»⁴¹. Еще раньше, в ноябре 1768 г., Екатерина II обратилась к Иностранной Коллегии с рядом вопросов стратегического характера (например, на берегу какого моря стоит Тбилиси: Черного или Каспийского), а особенно требовала информации о том, «...были ли примеры, чтобы киргиз-кайсаки обижали калмыков...»⁴².

Зловещий характер этого постоянного специфического интереса российских самодержцев и стратегов к возможным «обидам» и счетам между соседними народами и племенами понятен, как и стремление сыграть роль арбитра или заступника (в зависимости от обстоятельств).

³⁶ Там же. См. также: Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Кн. 33. – С. 174.

³⁷ Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1910. – Т. 2. – С. 158.

³⁸ Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международных отношениях XIX века. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. у-та, 1989. – С. 143.

³⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. – М., Соцэжгиз, 1963. – С. 381.

⁴⁰ Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. – Ереван, 1947. – С. 68.

⁴¹ Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического. 1790—1793. – Сборник военно-исторических материалов, под ред. Н.Ф. Дубровина. – В. VIII. – С.-Петербург, 1895. – С.155.

⁴² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. XIV, т. 28. – М., Соцэжгиз, 1965. – С. 297.

А впрочем, монархи и сами нередко высказывались напрямую, отбросив политические эвфемизмы. Та же Екатерина в письме на Кавказ генералу де-Медему в 1771 году писала: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это дело и денег не жалеть»⁴³.

На протяжении XVIII ст. царизм проводит политику создания вассальных государств на Кавказе, извлекая выгоду из чвар между князьями, науськивая их друг на друга, прибегая к подкупу и угрозам. Таким образом были созданы предпосылки для перехода в начале XIX ст. к тотальному военному захвату территории между Черным и Каспийским морями.

Одним из важнейших и постоянных принципов российского освободительства было неукоснительное отделение покорившихся («мирных») от непокорных («немирных»). В отношении первых применялось «ласкательство» (любимое выражение Екатерины II), а со вторыми была только война на уничтожение.

В соответствии со своим европейским либерализмом, приводившим в восхищение Вольтера и Дидро (в то время, когда она отправляла в Сибирь Радищева яко французского агента: «изо Франции еще пришлют вскоре паричко»⁴⁴), Екатерина II утвердила в 1786 году составленные Потемкиным «Положение о горских народах» и проект организации «земского войска» из горцев, что открывало им путь «к славе, чести и почестям» (на российской колониальной службе). Тогда же Г.Потемкин инструктировал другого Потемкина, «кавказского» – генерал-поручика П.С.Потемкина: «Положение, какое сделано о горских народах, подает случай привести все в порядок и согласие, если при сем будет поступаемо гладко или, лучше сказать, без презренья, которое препятствует успеху дела»⁴⁵. То есть, речь шла об искусном применении «ласкательства».

Ни «Положение...», ни затея с «земским войском» никогда не были реализованы. Что же касается «ласкательства», то его пытались осуществлять последовательно, но оно не давало желаемого результата, по крайней мере, не решало всех проблем, и на этой почве постоянно возникали недоразумения между «либеральными» верхами и практическими исполнителями их политики. Вот, к примеру, письмо-жалоба Г.Потемкину от тогдашнего командующего русскими войсками на Кавказе генерал-лейтенанта Медема: «А о кабардинцах я уже и не упоминаю, ибо сии народы здешней стороны злодеи, и никакой о них надежды нет, ибо ласковость их приводит ни во что, потому что знают – ничего с ними не могу делать, а монархия милосердна, она никогда не изволит их шевелить (...) обратите мысли на сей весьма нужный край и на величество (т.е. большое количество – *И.Дз.*) в горах в соседстве пребывающего народа и не доведите меня до несчастной судьбины»⁴⁶.

Принцип «ласкательства» был российским вариантом универсальной модели империализма: «разделяй и властвуй». В этом духе прилагались и усилия к тому, чтобы в подавлении определенного народа максимально использовать выходцев из этого же народа – как «приласканных», так и силком завербованных.

Характерно, что хотя царизм ни в грош не ставил жизни своих воинов, все же он старался в первую очередь использовать пушечное мясо из «инородцев». Вот, к примеру, государственные соображения одного из «птенцов гнезда Петрова» князя Б.И.Куракина: «Ежели солдат надобно много еще собрать, то лучше брать у черемисов, у мордвы молодых ребят и обучать, для чего будет прибыльно. Ежели истратятся, то убыток не так велик, как свои природные помрут... И всегда смотреть того надобно, чтобы умножены были те края погра-

⁴³ Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе //Революция и горец. – 1929. – № 5(7). – С. 36.

⁴⁴ Чтения в Императорском обществе истории... – М.: Унив. тип., 1865. – Кн. 3. – Р. V. – С. 77.

⁴⁵ Русский Архив. – 1879. – Кн. 2. – С. 433–434.

⁴⁶ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966. – С. 158.

ничные теми людьми природными. Из того будем давать вывод, как у них детей брать политикою»⁴⁷.

Это – что касается простолюдыя. В отношении же «элиты», местной знати и феодалов, то наряду с истреблением «непокорных», была разработана система приманок, привилегий и поощрений для «покорных». Их старались использовать против одноплеменников или соседей, обещая русское дворянство, обеспечивая карьеру, порой блестящую, высокие награды и другие виды монаршей ласки, а их детей – часто как аманатов (заложников) – обучали в респектабельных училищах Петербурга и Москвы, готовя новое поколение образцовых «слуг отечества». (Кстати, заложником был и сын Шамиля Джемал-Эддин; его опекал лично Николай I; только по прошествии многих лет Шамилю удалось возвратить его, обменяв на специально захваченных с этой целью грузинских княгинь Чавчавадзе.)

Такая политика давала нередко более чем желательные для царизма результаты. В кавказских войнах на стороне российской армии принимало участие немало офицеров (в том числе и высоких рангов) туземного происхождения; некоторые из них «отличились» не хуже самых прославленных палачей Кавказа.

Одним из них был, например, князь П.Д. Цицианов, грузин на русской службе, потомок князей Цицишвили, бывших владетелей Картли. За заслуги в подавлении польского восстания 1793 года князь Цицианов получил от Екатерины II орден Георгия III степени и большое имение в Минской губернии с 1500 душ крепостных. 9 сентября 1802 года Александр I назначил его астраханским военным губернатором и главноначальствующим в Грузии. Расчет был на знание Цициановым местных обычаев и на то, что с его помощью удастся примирить грузинских феодалов с потерей независимости и повлиять на другие народы.

Однако «пылкий Цицианов» отбросил в сторону дипломатические ухищрения и символом веры провозгласил штык. «Я не словами стращаю, а штыками действую...»; покоряйтесь, «буде не хотите, чтобы и вас изжарили на русских штыках»; «...кровь моя кипит, как вода в котле, члены все дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю с войсками, а сам пойду, землю вашей области покрою кровью вашею, и она покраснеет, но вы яко зайцы уйдете в ущелья, и там вас достану, и буде не от меча, то от стужи пооколеете»; «...кровь во мне кипит, как в котле, и члены все мои трясутся от жадности напоить земли ваши кровию преступников... Ждите, говорю я вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками; не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная...»; «...спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навеки в вашей земле»⁴⁸, – таким языком говорил он с грузинами, осетинами, кабардинцами...

В одном из документов того времени описан такой его подвиг: «Прибыв он перед сим в Джамури, поймал осетинцев и, наливши в корыто, в коем кормят собак, молоко, после сыра оставшееся, и побив кошек, поклав в него же, да также положив в него кал человеческий и тем их накормил»⁴⁹. (Правда, биограф относит этот эпизод на счет одного из подчиненных Цицианова, а не его лично⁵⁰. Однако и в его пространным апологетическом жизнеописании предостаточно не менее жутких свидетельств.)

В потоке каннибальского красноречия Цицианова хотелось бы обратить внимание на его послание землякам-грузинам: «Неверные мерзавцы (...) Вы, наверно, считаете, что я гру-

⁴⁷ Рассуждение князя Б. И. Куракина: Главные задачи Московского государства, 1707 // Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 3. – С.-Петербург, 1892. – С. 175.

⁴⁸ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. – С.-Петербург, 1886. – С. 289; 399; 133; 370; 132.

⁴⁹ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. – М., 1932. – С. 27.

⁵⁰ См. сноску 1. С. 341.

зин, и вы смеете так писать. Я родился в России, там вырос и душу русскую имею. Дождетесь вы моих посещений, и тогда не дома я ваши сожгу, вас сожгу, из детей и жен ваших утробу выну...»⁵¹.

Не стоит относить геройства Цицианова на счет его «азиатского» темперамента. Российская военачальническая элита на Кавказе – это был настоящий интернационал: русские – Ермолов, Воронцов, Муравьев, Барятинский; малороссы – Паскевич, Котляревский, Гудович; немцы, татары, армяне, кабардинцы и др., и мало кто из них на Кавказе уступал «темпераментом» Цицианову, хотя и не все обнаруживали его в такой непосредственной форме.

Действуя таким образом, «в три года он расширил русские границы от Черного моря до Каспийского и от Кавказского хребта до Куры и Аракса»⁵².

Все это происходило тогда, когда с уст царей, особенно Александра I и Николая I, не сходили слова «кротость», «умиротворение», «спокойствие», «порядок», «развитие промышленности», «процветание», а под этот обнадеживающий аккомпанемент посылались новые и новые воинские подкрепления на Кавказ. Тонкое и последовательное различие «упорствующих» и «увлеченных, но готовых к покорности», продиктованное интересами тактики и дипломатии, не под силу было разгоряченным полководцам, а тем более «нижним чинам». И поэтому нередко самим вседержителям приходилось одергивать их, точнее, уклонять от «чрезмерностей». Например, однажды главнокомандующий на Кавказе Ермолов представил к награде орденом святого Георгия генерал-майора Власова и полковника Бековича-Черкасского (из кабардинского рода; его предки и сам он неоднократно «отличались» в карательных походах как против своих одноплеменников, так и в Средней Азии) – за подвиг уничтожения нескольких аулов и селений. Александр I отказал Ермолову в его просьбе, высказав неудовольствие чрезмерной жестокостью Власова, ибо, дескать, «истребление селений» без «существенной пользы» не является необходимым из соображений военных, а из моральных – «помрачает славу победителей». «Сие самое, – добавляет император, – останавливает меня в испрашиваемом Вами награждении полковника князя Бековича-Черкасского орденом св. Георгия (...) он теряет право на награду тем, что благоразумно начатое было окончено совершенным истреблением более 300 семейств, из коих, конечно, большая часть была женщин и детей, невинных и верно не участвовавших в защите...»⁵³

Из отеческого тона этого назидания нетрудно догадаться, что с голов героев ни одна волосинка не упала. Более того, оба они «отличались» и далее, благодаря чему генерал-майор Власов был назначен командующим Черноморским войском. И уже Николай I вынужден был прочитать ему нотацию почти в тех же самых выражениях, да еще и пообещал отдать под суд, после чего Власов получил новые награды и стал Наказным Атаманом Войска Донского⁵⁴.

Это и неудивительно. Ведь, демонстрируя показной либерализм, Николай I на самом деле требовал от своих военачальников быстрее подавления горцев любой ценой. Так, по случаю завершения русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и заключения выгодного для России Адрианопольского договора, он указывал фельдмаршалу Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»⁵⁵.

⁵¹ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. – М., 1932. – С. 26.

⁵² Русский биографический словарь. Ф-Ц. – С.-Петербург, 1901. – С. 508.

⁵³ Чтения в Императорском обществе истории... – М., Унив. тип., – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 209—210.

⁵⁴ Там же. – Кн. 3. – Р. V. – С. 123.

⁵⁵ Щербатов. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. – С.-Петербург, 1891. – Т. 2. – С. 229.

...Кавказским войнам посвящены сотни публикаций дореволюционного времени – воспоминания участников, свидетельства очевидцев, архивные материалы, юбилейные сборники и т.д. Странное впечатление они оставляют – своей простодушной откровенностью, бессознательной честностью свершителей жестоких дел. Не таились, не кривили душой, не было нужды подгонять фразеологию под стереотипы международных гуманитарных документов или жаргон ОБСЕ.

Вот для примера лишь кое-что из послужного списка одного-единственного полка – «44-го драгунского Нижегородского». У полка была славная история. Принимал участие в «кровавом штурме Батурина и истреблении его со всем населением» (1708 г.). Потом – в подавлении «беспорядков в калмыцких степях» (1731). 1737-й – Крым. «Город (Карасубазар. – *И.Дз.*) был сожжен до тла: кроме караван-сараяв сгорело более 10 000 домов, 38 мечетей и 50 водяных мельниц... За разгромом Карасубазара началось жестокое опустошение Крыма. Казаки и калмыки доходили до самого Бахчисарая и на пути к нему уничтожили множество татарских деревень, взяли 1000 пленных, 30 тысяч быков и 100 тысяч баранов»⁵⁶. 1783-й – поход за Кубань на ногайцев: «Хуже вооруженные, хуже предводимые, не дисциплинированные, не имевшие понятия о строе, ногайцы резались со злобой и гибли массами. В бессильной ярости они сами истребляли свои драгоценности, убивали своих детей, резали женщин. Больше десяти тысяч ногайских тел лежало на десятиверстном пространстве». Осенью 1790 г. полк в составе корпуса барона Розена «двинулся в пространство между речками Пшекупсом и Пчосом, истребляя все, что попадалось ему на пути – аулы, поля, запасы и имущество жителей». Потом – Кабарда: «...отряд сделал в одну ночь огромный 60-ти верстный переход и неожиданно появился посреди многочисленных кабардинских стад. Все они были захвачены сразу». Далее – Осетия: «... войска ограничились(!) тем, что выжгли все окрестные селения и уничтожили все каменные башни и замки»⁵⁷. Затем было подавление восстаний в Кахетии, Хев-сурии, Иверии и других грузинских княжествах... И всюду – одно и то же... Как и в историях всех других полков: «Солдаты ворвались в аул и, по существовавшему всегда(!) обычаю, рассеялись по саклям. Скоро запищали сотни кур, заблеяли десятки баранов, и все, что было наскоро заперто и зарыто, появилось на свет божий. Добыча была обильная и довольно богатая: тут была и утварь, и куски материй, и всевозможные одеяла, – словом, можно было и хорошо пообедать, и сладко отдохнуть (...) Повторив то же самое, что сделал в Автурах, князь Воронцов вернулся в Гельдыген, выбил оттуда остатки неприятеля и тотчас приказал зажечь аул в нескольких местах. Затем отряд начал отступление. Горцы пробовали преследовать нас, но неудачно: всю гельдыгенскую поляну охватили собою наши батальоны и кавалерия, и все аулы и хутора, которые были на пути нашего отступления, запылали подобно своей метрополии»⁵⁸. Или еще:

«Покойный Слепцов, на закате своей славной боевой деятельности, истребил все неприятельское население, гнездившееся в ущельях от Бумута... до Рошни (...) Только в 1858-м году смирились окончательно эти беспокойные горцы и тысячами были выселены на плоскость. До того же времени, несмотря на все наши набеги, погромы, несмотря на наказание нами этих хищников (подчеркнуто в оригинале. – *И.Дз.*), они каждый раз после поражения и разорения возникали, как феникс из пепла»⁵⁹.

⁵⁶ История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полка. [Сост. В. Потто. При участии в сборе материала Князя В.П. Долгорукова]. – С.-Петербург, 1893. – С. 36; 37; 71; 72; 86.

⁵⁷ Там же. – Т. 2. – С. 3; 11; 72; 105.

⁵⁸ Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский Сборник. Т. V. – Тифлис, 1880. – С. 13—14.

⁵⁹ Волконский Н.А. Погром Чечни в 1882 году // Кавказский сборник. Т. V. – Тифлис, 1880. – С. 46.

Этим откровениям в тоне апофеоза несть числа. И патриотическая фразеология у авторов трогательных воспоминаний одинакова. Нескончаемо, со страницы на страницы переходят сакраментальные стереотипы: «истребили войска множество аулов и запасов неприятельских»; «многое множество татарских аулов испепелили»; «раскатали мы чеченцев на славу, истребили множество их аулов, уничтожили посевы и запасы продовольствия и побили много народу»⁶⁰.

«Жестокости, сопровождавшие эти экспедиции, кажутся неправдоподобными, однако показаниям самих участников экспедиций приходится верить. Вот что пишет Полторацкий в своих воспоминаниях (речь идет о воспоминаниях генерал-майора Владимира Алексеевича Полторацкого, опубликованных в «Историческом Вестнике», 1893, в №№ 1—9. — *И.Дз.*). В марте 1847 г. войска напали внезапно на хутор Дубы. «...Из всех жителей обширного аула вряд ли кому-нибудь (...) удалось увидеть восходящее солнце. При самом отчаянном сопротивлении некоторых, большинство, застигнутое врасплох полунагими, стар и млад, женщины, дети и грудные младенцы, утонули в своей крови от остро отточенных штыков, никого не помиловавших, не пощадивших»⁶¹.

Это не были взрывы стихийности или непредусмотренные последствия солдатской горячности боем. Это было последовательное осуществление продуманной, целенаправленной политики — на полное уничтожение «непокорных», фактически — неукоснительный геноцид.

Пример подавали и градус озверения определяли высшие военачальники, сменявшие друг друга, применявшие различную тактику, но не уступавшие друг другу в пресловутой «непреклонности», то есть в бесчеловечии. Мы уже говорили о Цицианове. Но есть достаточно свидетельств личной жестокости и Воронцова, и Муравьева, и прославленного Ермолова. Тут ограничусь одним свидетельством современника об А.А.Вельяминове. Это он, командуя кавказским войском, благословил обычай коллекционировать отрубленные головы горцев: «За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлял в Академию наук». Любил он солдатам «прописывать Английское стегание» (его собственная изысканная метафора кнута), был особой высокообразованной и свободомыслящей, почти что вольтерьянцем — как и все это поколение царских сановников и воинской элиты: «Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей XVIII века (...) Настольными его книгами были Жильбляз и Дон-Кихот на французском языке»⁶².

О рыцарском обычае зарабатывать на отрубленных головах горцев рассказывает и Александр Дюма в своих путевых очерках (у него даже есть раздел «Головорезы»): «За каждую отрубленную голову горца назначалось вознаграждение в 10 рублей. Князь Мирский, питавший, разумеется, отвращение к этим кровавым трофеям, счел достаточным, чтобы доставляли только правое ухо (! — *И.Дз.*). Но он никак не мог заставить своих охотников руководствоваться этим нововведением; с тех пор, как они воюют с татарами (татами называли в войсках всех жителей Кавказа без разбору. — *И.Дз.*), они все время отрубают головы, объясняя сие тем, что не могут отличить правое ухо от левого». И далее: «Всякий, убивший горца, имел право, кроме головы и ушей, обобрать его дочиста»⁶³.

Наибольшим вольнодумцем среди военных гениев России был, как известно, Ермолов — тайная (хотя и напрасная) надежда декабристов, любимец нескольких поколений фрондеров («Один умный человек сказал, что Ермолов, в понятиях русских, не человек, а популярный

⁶⁰ Апшеронская памятка... — С. 407; 413; 501.

⁶¹ См.: Кровяков Н. Шамиль. — Грозный, Чеченгосиздат, 1941. — С. 62.

⁶² Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский Архив, 1883. — Кн. 3. — С. 199; 183.

⁶³ Дюма А. Кавказ. — Тбилиси: Мерани. — 1988. — С. 63; 90.

зированной идее»⁶⁴), прославленный поэтами и романистами (вплоть до современных: см. роман Олега Михайлова «Генерал Ермолов»). Именно он глубже других постиг суть, задачи и значение Кавказской войны для России. Во «всепоподданнейшем рапорте» Александру I от 12 февраля 1819 года он писал: «Государь! Внешней войны опасаться не можно (...) Внутреннее беспокойство гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных В.И.В. (Вашего Императорского Величества. – *И.Дз.*) порождают дух мятежный и любовь к независимости». Это вневеликая мысль; это истина, концентрировавшая в себе опыт не только Кавказской войны, а всего канительного эпоса борьбы с «крамолами», «шатаниями», «изменами»; это фундаментальный постулат существования и будущности империи. Сам же Ермолов делал для себя неизбежные практические выводы: «Не в моих правилах терпеть, чтобы власть Государя моего не была уважаема разбойниками и чтобы народы покорствующие вотще надеялись на Его защиту (...) Полки прибавленные уничтожат и власть злодейскую ханов, которых правление не соответствует славе царствования В.И.В., а жители ханств, стениащие под тяжестью сей власти, уразумеют счастье быть подданными великого Государя»⁶⁵.

Но народы ... уразумевали неохотно, несмотря на вооруженное понукание. (Позже в исторической трагедии осетинского писателя Елбасуко Бритаева «Хасби» (1907) ее герой-крестьянин скажет по аналогичному поводу: «Я не видел никогда, чтобы ласкали пушками, а штыком учили уму. Эту простую истину я, немудрый, и то понимаю, как же он – генерал – не понимает. Голову носит высоко, как буйвол, а надо бы глубже обдумывать свои дела»⁶⁶).

Народы платили черной неблагодарностью. В бой становились женщины и дети, а когда не было сил защищаться, – чтобы не попасть в плен, бросались со скал в пропасть.

Жуткий эпизод (очевидно, ему рассказанный участниками), описывает в своих путевых очерках с Кавказа Александр Дюма:

«Один батальон в полном составе пробирался по крутой тропинке. Неожиданно кто-то заметил, что огромная скала отделилась от своего гранитного основания, – словно гора хотела стать в ряды противников русских, – и с ревом и треском сорвавшись с вершины, унесла треть батальона.

Когда оставшиеся в живых, уцепившись за камни, за корни деревьев, подняли головы, они увидели на вершине горы, откуда свалилась гранитная лавина, полунагих женщин с растрепанными волосами, махающих саблями и пистолетами. Одна из них, не находя более камней, чтобы скатить их на врагов, и видя, что они продолжают наступать, бросила в них своего ребенка, прежде разбив ему голову об скалу. Потом с прощальным проклятием ринулась вниз и сама...»⁶⁷

Скажите: эффектная выдумка прославленного романиста-фантазера? Увы, в документах того времени, в свидетельствах очевидцев (в том числе и высокопоставленных) – множество свидетельств о таких и, более того, коллективных самоубийствах обороняющихся. «Закипел отчаянный бой; в нем принимали участие и женщины; они, словно ведьмы, бросались с оружием в руках на наших солдат; дети кидали в нас камнями; чтобы не сдаваться, женщины с грудными детьми бросались со скал в пропасти и вдребезги разбивались о камни»⁶⁸. Но и это отчаянное смертельное неприятие, эти крайние проявления непокоримого человеческого духа и коллективной национальной воли не трогали окаменевшее в своей осатанелости

⁶⁴ Из записок барона М.А. Корфа // Русская Старина. 1899. – Декабрь. – С. 490.

⁶⁵ Акты Кавказской Археологической комиссии. Т. VI. – Тифлис, 1874. – В кн.: За стеной Кавказа: – М., 1989. – С. 37–38, 481–482.

⁶⁶ Джусойты Н. Елбасуко Бритаев. – Цхинвали, 1963. – С. 94.

⁶⁷ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани. – 1988. – С. 59.

⁶⁸ Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка... – С.-Петербург, 1894. – С. 226.

освободительное сознание, – и оно и это обращало в обвинение не себе, а жертвам, как еще одно доказательство их «дикости» и невозможности не уничтожить их: «Зверство и ожесточение злодеев доходило до такой степени, что они предпочитали погибнуть, чем сдаться в плен. Так, после одного сражения семь человек осетин бросились в пропасть»⁶⁹. А вот обращение к русским властям мтиулетинцев (племя, жившее вдоль Арагви): «Мы просили Бога об укреплении в Грузии непобедимого воинства всемилостивейшего Государя, теперь мы просим о том, чтобы оно поглощено было какой-либо внезапной напастью. Мы не хвалимся силою, чтобы воевать с русскими, но все до единого остановились на том, чтобы избавиться от нестерпимой горести, зажечь своими руками наши дома, вогнать туда жен и детей, а потом броситься в пламя, чтобы там сгореть. Мы предпочитаем умереть так, чем мучиться, ожидать смерти от плетей и видеть опозоренными наших жен»⁷⁰.

Как отразились кавказские войны на настроениях русской общественности, как откликнулись в гражданском сознании и в литературе?

Длительное время доминировала официальная версия о разумном балансе ласковой опеки и сурового умиротворения, о заботливом внедрении «цивилизации», «русских законов» и «просвещения». Соответственно вокруг кавказской темы пульсировал патриотический ажиотаж. Однако постепенно – по мере очевидных военных неудач, увеличения потерь и затрат, поступления более широкой и достоверной информации – рождались сомнения, элементы критического подхода.

Косвенным свидетельством о степени неприятия обществом Кавказской войны могут быть нарекания ее идеологов и апологетов на непонимание со стороны многих современников и настойчивое обращение к исторической перспективе, которая-де все поставит на свои места и поможет соотечественникам оценить величие державного подвига. Так, уже упоминавшийся Р.Фадеев в «Письмах с Кавказа» писал: «Русское общество (...) больше полувека смотрело с равнодушным удивлением на нескончаемую кавказскую борьбу и так к ней привыкло, что уже и не ожидало развязки. Тысячи русских семейств, носивших траур по родным, павшим на Кавказе, даже не задавали себе вопроса, какому богу приносятся эти жертвы. Кто из нас не слышал таких домашних рассуждений, что Закавказье надо бросить, как не окупающее расходов на войну; или рассуждений иностранных в таком роде, что мы длим нарочно кавказскую войну для того, чтобы упражнять свою армию! Можно наверное сказать, что далеко не все русские государственные люди XIX столетия, имевшие влияние, каждый по своему ведомству, на ход кавказских дел, сознавали цель этой настойчивой борьбы. Но правительство шло к своей цели неуклонно и не жалея никаких жертв, особенно в два последние царствования, при императоре Николае I и ныне царствующем Государе, – и достигло цели»⁷¹.

А вот как убеждал свою аудиторию в публичных лекциях один из историков Кавказской войны полковник генштаба П.Романовский (в 1860 году): «В жизни государств, как и в жизни людей, встречаются подвиги, требующие напряженных усилий и много времени, верная оценка которых для современников почти невозможна. Совершаясь медленно, шаг за шагом, без заметных резких успехов, с постоянным напряжением сил, с бесчисленными жертвами, подобные подвиги, конечно, и в свидетелях очевидцах возбуждают участие и вызывают с их стороны укор или похвалу, но полная, верная оценка таких заслуг принадлежит потомству и может быть сделана только тогда, когда принесенные жертвы и усилия дадут свои великие плоды. Подобный подвиг судьба назначила России на Кавказе (...) Но каковы бы ни были жертвы, которые Россия должна принести Кавказу, во всяком случае, нет сомнения, что эти

⁶⁹ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки... – М., 1932. – С. 45.

⁷⁰ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества... Т. IV. – С.-Петербург 1886. – С. 341—342.

⁷¹ Фадеев Р. Письма с Кавказа... – С.-Петербург, 1865. – С. 10.

жертвы будут потомством достойно оценены, прежде всего потому, что торжество России в войне с Кавказскими горцами составит торжество цивилизации над самым упорным варварством»⁷².

Отсылка к потомкам всегда проблематична, у них свои резоны и свои проблемы с историческим наследием. Что же касается современников, то «утверждение русского владычества на Кавказе» и «гром победы» действительно многих примирили с жертвами. Но далеко не всех. Была и другая, противоположная тенденция: с 50-х годов в кругах формировавшейся революционной демократии складывается принципиально негативное отношение к Кавказской войне – как составная антимонархической идеологии демократии. Например, Н.А. Добролюбов в статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе» писал: «Борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта». И далее: «Не строгое учение мюридизма было причиной восстания горцев против русских», а «ненависть к русскому господству»⁷³.

Тут надо сказать, что в России первой половины XIX ст. сложился своеобразный «кавказский миф», в одно и то же время сугубо устойчивый в своем существовании и весьма изменчивый своими гранями. Уже сам состав российского вой-войска на Кавказе был довольно пестрым. Кроме служилых солдат и кадрового офицерства, тут находились штрафники и преступники, а также политические ссыльные (прежде всего декабристы, в том числе офицеры высоких рангов, и разжалованные, и не разжалованные). Были искатели романтических приключений, охотники за чинами и наградами, всевозможные авантюристы и, наконец, всяческий хищный сброд, всегда тянувшийся за добычей вослед освободительным армиям (вспомним Козьму Пруткову: «Если продуемся, в карты играя, //Поедем на Волынь для обрусения края»).

«Кавказ имел славу места, где можно хорошо заняться грабежами. Он был «погибельным местом» для русских солдат, но «второй Индией» для господствующих классов. Толпой бросались туда самые худшие элементы русского чиновничества, торговцы, подрядчики, те, кто хотел пограбить, нажить себе состояние, пожить в свое удовольствие»⁷⁴, – писал грузинский историк.

О другой категории пришельцев свидетельствовал патристический современник: это те, кому «было тесно и душно в России, и они шли на этот «погибельный Кавказ» искать счастья и простора. В то время населялись из них целые станицы и даже полковые округа»⁷⁵. (Кстати, среди этих бежавших от тесноты и задушья назван и тот самый герой Терского войска Слепцов, о «славной боевой деятельности» которого по «истреблению неприятельского населения» упоминалось выше.)

Еще один род кавказских бродяг описывал литературный критик: «В то время не в редкость было встретить искателя приключений, с гордостью на челе и холодным разочарованием в сердце, отчаянного дон-жуана, бретера, игрока, страстного любителя опасностей ради опасностей, стремящегося по этому случаю на погибельный Кавказ и на пути туда не упускавшего случай пройтись на счет клубнички»⁷⁶.

Разноцветным и острым кавказским коктейлем по-разному причащалось не одно поколение русских литераторов. Кавказская тема породила в русской словесности не одну, а несколько традиций, одни из которых со временем исчерпывались, другие – набирали силу. Порой между ними возникало напряжение, скрытое или явное отталкивание, а то и принци-

⁷² Романовский П. Кавказ и кавказская война. – С.-Петербург, 1860. – С. 46—48.

⁷³ Добролюбов Н.А. Поли. собр. соч. – М., 1937. – Т. IV. – С. 143; 155—156.

⁷⁴ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г. В. Очерки... – М., 1932. – С. 16.

⁷⁵ Дерезглазов П. Пало ли современное казачество? // Вестник Русской Конницы, 1907. – № 15. – С. 645.

⁷⁶ Скабичевский А. Сочинения в 2-х томах. – С.-Петербург, 1903. – Т. I. – С. 163.

пиальная полемика. Впоследствии Лев Толстой, иронизировавший над «удальцами», «образовавшимися по Марлинскому и Лермонтову», своими «Казаками», а особенно «Рубкой леса», «Набегом» и «Хаджи-Муратом» снял экзото-романтизирующую визию Кавказа, дал – в контексте мирообъясняющих поисков личности – сурово реалистическую картину столкновения двух сил: стихийно-автохтонной и государственно-направленной, показал жуткую конкретность и подлые формы уничтожения целого самобытного мира (вспомним хотя бы сцены «плановых» воинских погромов и «победного» мародерства в «Хаджи-Мурате» и в «Набеге»).

Позволю себе процитировать лишь один пассаж из «Хаджи-Мурата»:

«Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной... Сын ... был проткнут штыком в спину... Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся со своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда было привезено еще два тела.

Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть...

Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуживали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которые испытывали все чеченцы, от мала до велика, было сильнее нее. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения».

Таковы плоды имперского «цивилизирования»!

Задуматься бы над кавказскими картинами Льва Толстого и нынешним громокипящим глорификаторам «штурма Грозного», и всем тем, кто естественный протест против государственно-цивилизаторского бандитизма (в прошлом и настоящем) и естественное сочувствие его жертвам запросто объясняет чьей-то «русофобией», напрочь снимая всякую потребность не то что в покаянии, но и в элементарном национальном стыде и национальной ответственности...

Разумеется, толстовская философская и моральная высота, и в этом случае, как и в других, оказалась труднодоступной.

Возвращаясь к вопросу о традициях освещения темы Кавказа в русской литературе, следует сказать, что в исторической перспективе наиболее продуктивной стала традиция «вневременной», словно бы очищенной от политических наслоений рецепции Кавказа, традиция лирико-философских рефлексий, вызванных созерцанием и переживанием кавказской природы как уникама мироздания, ее интимным «присвоением»; традиция своеобразного эстетического освоения Кавказа как необходимого дополнения русского духа; различных форм общения с поэтической душой Кавказа (вплоть до интенсивного переводческого подключения к поэтическому потенциалу кавказских народов, прежде всего грузинского и армянского, позже и других, включая и их фольклор). Но эта традиция (ее можно выводить от Пушкина, хотя он причастен и к имперско-государственнической) утвердится со временем, когда подсохнет кровь на русских дорогах к Кавказу, когда проблематичность русского владычества на Кавказе несколько призабудется и он займет стабильное место в русских геополитических конфигурациях и даже в «духовном космосе».

А в первой половине и в середине XIX ст. Кавказ еще был открытой раной, болевой точкой русского сознания и испытательным порогом великодержавнического самочувствия. Правда, идеопсихика большинства верноподданнических поэтов и литераторов (не только

русских, но также и малоросских) не была настроена на восприятие болевых сигналов такого рода; они вполне комфортно чувствовали себя в рутинном воинственно-патриотическом трансе. Вместе с тем глубоким имперским чувством была проникнута политическая лирика таких выдающихся талантов, как Державин, Жуковский, Тютчев, не говоря уже о Языкове, Хомякове и других, – они тему Кавказа воспринимали в контексте фатального для имперской России «восточного вопроса» и всемирной православной миссии России.

Намного сложнее все было у Пушкина. Ему тоже в высокой степени было свойственно «государственническое» самочувствие и мышление, но усложненное демократическим, политическим и гуманистическим моральным идеалом, широким диапазоном «всечеловеческой» восприимчивости, открытости и сопереживания (хотя в борьбе «государственничества» и «всечеловечества» часто побеждало первое – как, скажем, в реакции на польское восстание).

Как известно, первое пребывание опального Пушкина на Кавказе было непродолжительным, и, видимо, какого-то личного жизненного опыта он из него не вынес, разве что впечатление от самого циклопического явления Кавказа и экзотического быта горцев. Порожденные этим глубокое душевное волнение, могучий подъем и очарованность вылились в «байроническую» поэму «Кавказский пленник». Жизнь горцев тут лишь фон для условного романтического сюжета, но фон этот исключительно колоритен: как истинный художник, Пушкин был восхищен суровой пластикой горского быта и не мог не поддаться сугубо эстетической симпатии. Однако сумма экзотических и романтических настроений поэмы взорвалась в финале гордыней апофеоза державной силы и настоящей одой пламенным покорителям Кавказа поименно (среди них и истинные палачи по всем человеческим меркам, хотя Пушкин вряд ли знал их подлинное лицо), сущностно дистанцированным от «холодного», разочарованного байронического героя поэмы:

И воспою тот славный час,
 Когда, почуя бой кровавый,
 На негодующий Кавказ
 Подъялся наш орел двуглавый;
 Когда на Тереке седом
 Впервые грянул битвы гром
 И грохот русских барабанов,
 И в сече, с дерзостным челом,
 Явился пылкий Цицианов;
 Тебя я воспою, герой,
 О Котляревский, бич Кавказа!
 Куда ни мчался ты грозой —
 Твой ход, как черная зараза,
 Губил, ничтожил племена...
 Но се – Восток подъемлет вой!..
 Поникни снежною главой,
 Смирись Кавказ: идет Ермолов!

(Впрочем, характеристика, по крайней мере, Котляревского заставляет предполагать, что Пушкин имел представление о сути происходящего, т.е. о способах действия его героев).

Вторую, более продолжительную свою поездку на Кавказ Пушкин описал в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Это развернутый дорожный очерк, густо насы-

щенный пронизательными наблюдениями и размышлениями исторического, этнографического, житейского характера.

В гражданском измерении Пушкин остается человеком империи со всеми эмоциями удовлетворенного национального самолюбия, но и с великодушной приязнью к нерусскому миру; объективные характеристики горцев и отдельные существенные соображения о причинах их вражды к русским («Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены») – этот тезис будет нравственно углублен через три четверти столетия в «Хаджи-Мурате» Л.Толстого) – чередуются со специфически «кавказскими» колониальными стереотипами и довольно наивными советами касательно способов приручения горцев (от самовара до Библии).

Но есть один очень важный, скрытый аспект рецепции Кавказа у Пушкина. Имею в виду сильнодействующий эффект умолчания. Дело в том, что и официоз, и патриотическая публика ожидали от Пушкина воспевания геройств русского воинства и доблестных полководцев – хотя бы такого, как в эпилоге «Кавказского пленника». Но Пушкин на этот раз – наверное, ближе увидев реальность – красноречиво воздержался, вызвав понятное разочарование в соответствующих кругах. Декабрист А.А.Бестужев в письмах с Кавказа, упоминая дела, от которых «содрогнулись бы камни», ставал на защиту Пушкина от претензий «патриотов»: «...Пушкина напрасно упрекают за равнодушие к славе русских... Откуда взять вдохновение?.. Грустно...»

Разумеется, в отношении к горцам Пушкин оставался сыном своего времени. Он уважал их человеческое достоинство, восхищался их отвагой и чувством чести, любовался экзотической красотой и бытом. Но вопрос об их праве на независимое существование и собственную организацию общества для него не стоял – как для большинства образованных и гуманных европейцев той эпохи не стоял вопрос о правах африканских племен. В европоцентрической модели цивилизации самобытная культура горцев, имевшая древние корни и традицию, представлялась бесперспективной, рудиментом патриархального состояния, обреченной уступить место принесенному извне прогрессу. Субъектом цивилизования должна была стать Россия, и Пушкина тревожило лишь одно: чтобы способы цивилизования были помягче...

Тут я позволю себе сделать небольшое отступление – обратиться к одному историческому эпизоду, в котором как в метафоре или притче отразилась гротескная парадоксальность и трагикомическая нелепость расчета на душевное приручение покоряемого народа на основе отрицания за ним права быть самим собой, с вознаграждением в виде иллюзорных, пустообещанных благ цивилизации.

Ранее уже говорилось о том, что в кавказской армии служили – волей или неволей – и многие люди передового образа мыслей, в том числе и ссыльные декабристы и другие неблагонадежные или проштрафившиеся. Их положение было довольно двусмысленным: вроде бы и сочувствовали горцам, но приходилось, как и другим государевым воинам, убивать, разорять, жечь. Как успокоить свою совесть, как попытаться избежать резни? И вот что «учудил» один высокопоставленный чин, вольномыслие которого несколько отличалось от вольномыслия упоминавшихся выше «вольтерьянцев» типа Вельяминова, – послушаем:

«Генерал-адъютант граф Анреп, когда-то дерптский студент, человек высокообразованный и гуманист, с отличием служа на Кавказе, оставался верен своим студенческим идеалам и, считая войну бедствием и злом, происходящим от недоразумений между людьми, носил в своей душе убеждение, что проще всего следовало бы разрешить эти недоразумения путем мирного сближения. Он был уверен, что если бы, вместо экспедиций и набегов, мы решились проникнуть в горы в качестве миссионеров, всякие несогласия исчезли бы, непокорные племена спустились бы к нам в долины, не как враги, а как наши меньшие братья». И вот, взяв

своего адъютанта и переводчика, генерал Анреп, переодетый, как и его попутчики, горцем, явился в важный аул Анцух. «Велико было удивление анцухцев, когда в их ауле появились три неведомых и безоружных пришлеца. Переводчик дал понять, что они люди непростые и желают иметь объяснения с джама-том, то есть со сходкою старшин и стариков. Джамат собрался, и Анреп обратился к нему со своим словом увещания, смысл которого был в общих чертах следующий: «Для чего ведете вы против нас (! – И.Дз.) братоубийственную войну? Мы вам не враги, а самые близкие друзья. Мы хотим внести к вам цивилизацию, которой смысл есть ваше благо. Вы теперь бедны, мы вас обогатим и научим приобретать земные блага; помощь к этому мы вам окажем проложением к вам путей, устройством в среде вашей школ, в которых ваши дети будут научаться всем полезным ремеслам, открывающим доступ к благосостоянию. Подняв вашу культуру до своей, мы разделим с вами пользование теми естественными богатствами, которыми так щедро наделены горы и долины Кавказа. Сложите оружие, и мы его сложим – вместо войны навеки побратаемся и будем жить мирно».

Джамат внимательно выслушал эту речь и спросил оратора, кто они, пришлецы, и от чьего имени они говорят? Тогда Анреп открыл свое звание. Удивление сменилось полным недоверием.

«Как ты, генерал, командующий войсками царя и призванный вести с нами войну, являешься к нам с ее отрицанием? Значит, ты не только не выполняешь своей прямой миссии, но берешься за дело, совсем тебе не подходящее. Все это убеждает нас в том, что вы пришли или насмеяться над нами, или высмотреть наши позиции, или, наконец, мы видим перед собою людей безумных»⁷⁷.

Не правда ли: «непросвещенные» горцы мыслят глубже и пронизательнее человеколюбивого генерала, видят насквозь то, на что он старается закрыть глаза, – суть царской политики, то вооруженное «ласкательство», «ласкательство» коварно-кровожадное, которое Тарас Шевченко выразил в словах, ставших крылатыми: «Тільки дайте себе в руки взяти» («Только дайте в руки нам»).

Увы, не мог знать прекраснодушный генерал, что весь его трогательный монолог уже предвосхищен и прокомментирован Тарасом Шевченко:

До нас в науку! ми навчим,
 Почому хліб і сіль почім!
 Ми христіяне; храми, школи,
 Усе добро, сам Бог у нас!
 Нам тільки сакля очі коле:
 Чого вона стоїть у вас,
 Не нами дана; чом ми вам
 Чурек же ваш та вам не кинем,
 Як тій собаці! чом ви нам
 Платить за сонце не повинні! (...)
 А зате! Якби ви з нами подружили,
 Багато б дечому навчились!
 У нас же й світа як на те —
 Одна Сибір неісходима,

⁷⁷ Бороздин К.А. Закавказские воспоминания: Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. – С.-Петербург, 1885. – С. 113—115.

А тюрем, а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх язиках все мовчить.
Бо благоденствує!

К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас!
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано! Зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то, —
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют!

Приведенный выше эпизод из «Закавказских воспоминаний» К.А.Бороздина, при некоторой его анекдотичности, все же показателен: даже в царской администрации, на различных ее уровнях, и среди высоких воинских чинов (не говоря уже о низших чинах и рядовых: многие из них переходили к Шамилю и оказали ему заметную помощь, в частности, научая горцев обращению с новейшим русским оружием; это касается и солдат-поляков, сосланных на Кавказ), – были люди, которым претила или которых, по крайней мере, смущала бесчеловечность способов подавления горцев и которые испытывали моральный дискомфорт, будучи исполнителями жестокой политики.

Видимо, в непростом с нравственной точки зрения положении оказался на Кавказе и Александр Сергеевич Грибоедов, который много занимался его проблемами и как дипломат, способствуя укреплению позиций Российского государства на Кавказе и в Закавказье. В разные годы ему приходилось быть свидетелем «мятежей от введения нового порядка» «внутри новоприобретенных провинций» (в «Путешествии от Моздока до Тифлиса», написанном в 1818 г., он вспоминает о восстании в 1812 г. в Восточной Грузии, в Телави и Сигнахе; в трагедии «Грузинская ночь», являющейся обработкой грузинской легенды, звучат отголоски грузинско-русской борьбы:

«Как ринулся в мятеж ты против русской силы, // Укрыла я тебя живого от могилы», – говорит князю кормилица...).

Чрезвычайно интересная страничка русской «кавказианы» – стихотворение Грибоедова «Хищники на Чегеме». Его публикации в «Северной пчеле» 30 ноября 1826 г. было предположено следующее «Примечание издателя»: «Прекрасное сие стихотворение, изображающее в

кратких словах дикую природу Кавказа и нравы необузданных его обитателей, написано во время похода противу горцев в октябре 1825 года, в становище близ Каменного моста на реке Малке. Вид надоблачных гор, гнезда хищнических, полудиких племен возбудили в воображении поэта мысль представить их в природном их характере, пирующих после битвы и грозными песнями прославляющих свои набеги и свои неприступные убежища... По нашему мнению, нет стихотворения, которое бы с такою силою и сжатостью слога, с такими местностями и с такою живостью воображения изображало бы, так сказать, характер Кавказа с нравами его жителей, как сие бесценное стихотворение».

Стихотворение – своеобразная триумфальная песня «хищников». Но какая!

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!
Наши – камни, наши – кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли? – Вон над тучей —
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

(«Двувершинный» – Эльбрус; кстати, этот же мотив по-иному развил М.Лермонтов в знаменитом «Споре»).

Однако в публикации «Северной пчелы» была опущена – по цензурным соображениям – самая важная строфа, в которой горцы, свободные люди, с презрением то ли сожалением говорят о своих противниках (захваченных в плен русских), которые и дома – рабы своих господ, и дома – в плену:

Узникам удел обычный —
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы – жребий им приличный.
В их земле и
Свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома – цепи!
в чуже – плен!

Эта строфа многое говорит о потайных мыслях Грибоедова, о горечи его дум о крепостном положении собственного народа.

И все-таки горцы для Грибоедова – удалые «хищники», которые «делят взятое ножом». О более глубокой сути происходящего, о том, что Кавказ – их земля и что они защищают ее от напора чужой силы – речи нет. Правомерность русской экспансии Грибоедов не ставил под сомнение. Но формы, которые она принимала, порой смущали его. Характерно, что и на-

циональный герой Ермолов, при всем преклонении перед этим сакрализованным именем, вызывает у него сложные чувства; в письме к С.Н. Бегичеву от 29 января 1819 г. он пишет о Ермолове: «Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села...» Казалось бы, сама собой напрашивается весьма определенная нравственная оценка. Но ... читаем далее: «...Что же делать? – По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, – здесь ребенок хватается за нож. А, право, добр; сколько мне кажется, прямиг-ких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня нельзя в этом упрекнуть...» (в другом письме к Бегичеву Грибоедов приводит слова Аббаса-Мирзы, наместника персидского шаха, назвавшего Ермолова «новым Чингисханом»). Кстати, интересно сравнить грибоедовскую характеристику Ермолова с той самохарактеристикой, которую приписывает Ермолову А. Бестужев-Марлинский: «Я умышленно создал себе такую славу», – говорит Ермолов, – «нарочно облек себя ужасом. Хочу и должен, чтобы имя мое стерегло границы наши крепче цепей и крепостей, чтобы слово мое было для азиатцев верней, неизбежной смерти (...) С ними я, прямо из человеколюбия (!), бываю жесток неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены (...) На глазах моих не видят слезинки, когда я подписываю смертные приговоры, но сердце у меня обливается кровию!»⁷⁸. Этот типический самооправдательный монолог рас-сентиментальничавшегося палача – вряд ли подлинные слова самого Ермолова; скорее всего это мелодраматическая стилизация самого Марлинского, усиливавшегося как-то согласовать свою загипнотизированность славой Ермолова со своим же видением его кровавых дел, – и сделавшего это в духе модной жутко-«романтической» колониальной легенды...

Как дипломат Грибоедов принадлежит к тем государственным людям, которые предпочитали бы «русское владычество на Кавказе» устанавливать на основе некоего упорядочения отношений с покоренными, на основе, как выражается сам Грибоедов, «правосудия» (будто оно существовало в самой России!); он сомневается в достаточности самих только, как теперь говорят, силовых методов; но голос человеколюбия звучит не очень громко и стушевуется перед соображениями государственной необходимости. Вот, к примеру, отрывок из письма к С.Н.Бегичеву от 7 декабря 1825 г., в котором так рельефно видны зигзаги мысли, пытающейся согласовать нравственное чувство с имперским интересом: «Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекою: висит, и ветер его медленно качает. Но действовать страхом и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей (...) Имя Е(рмолова) еще ужасает; дай Бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! В Чечню! Здесь война особенного рода – в дебрях и ущельях отыскать неприятеля; отыскавши, истребить его ничего не значит».

Грибоедов был автором обширной «Записки об учреждении Российской Закавказской кампании» и проекта ее устава. Кампания должна была привлечь русский торговый капитал к использованию «природных средств края», ей предполагалось отвести земли, недра, «казенные сады» и т.д., чтобы «все произведения жарких климатов могли быть присвоены сему краю». Испрашивалось «разрешение водворить на своих землях всякого рода переселенцев на особых условиях»; подчеркивалось, что «коренным россиянам, любезным нашим соотечественникам, открыто будет новое, неизмеримое поле к огромным мануфактурным и торго-

⁷⁸ Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. Мулла-нур. – Махачкала; Дагиздат, 1968. – С. 55.

вым предприятиям»⁷⁹. Несмотря на всю привлекательность проекта для российских колонизаторов, он, как и многие другие, затерялся в дебрях российской бюрократии. Оперативностью отличались лишь, как теперь говорится, «силовые структуры».

...В 30-е годы XIX ст. в российском общественном сознании усиливается тенденция к более трезвой оценке кавказских событий. Появляются люди, приходящие к пониманию справедливости самозащиты горцев и дающие начало недвусмысленному осуждению царской экспансии на Кавказе. В литературе соответствующие настроения в той или иной мере проявились в произведениях А. Бестужева-Марлинского, А. Полежаева, М. Лермонтова, а позже – у Л. Толстого. (Пожалуй, именно Лев Толстой наиболее глубоко из всех русских авторов увидел Кавказскую войну не только как катастрофу туземного мира, но и как индикатор моральной ущербности русского общества. Но это будет уже гораздо позже.)

Для русской поэзии той поры (собственно, начиная от Грибоедова и Пушкина) характерно сильное акцентирование мотива горской вольницы. Очевидно, оно было непрямой формой протеста против крепостничества у себя дома, а эмоциональное сопереживание и красочное живописание этой вольницы – своеобразной компенсацией за рутину, серость и скуку регламентированного быта в царской России. Потому многие мечтали, а некоторые и рвались на Кавказ – там, вдали от «всевидающего глаза» и «всеслышащих ушей», можно было почувствовать себя более свободным человеком (так, по крайней мере, казалось, хотя «скрыться» там было немного шансов; известно, что даже за Александром Дюма, путешествовавшим по Кавказу в 1858 г., был учрежден тайный надзор).

Собственно, этот специфический интерес к Кавказу как отличному от России миру экзотической вольницы можно в известной мере сравнить с не менее обостренным интересом к Украине – в русской литературе конца XVIII – начала XIX столетия, с ее многочисленными «малороссийскими» путевыми очерками, повестями, романами, стихотворными произведениями. И тут, и там было много «клюквы», был и своеобразный «колониальный жанр», но были и основательные вещи, сохраняющие свое познавательное и «самохарактеристическое» значение.

Пожалуй, наиболее осведомленным о Кавказе из русских писателей был декабрист А. Бестужев-Марлинский. Попав на Кавказ из сибирской ссылки и состоя в действующей армии (отличившись, в частности, в обороне Дербентской крепости от отрядов Кази-Муллы), он занимался глубоким изучением не только быта и этнографии, но и истории, языков, отчасти социально-экономических отношений народов Кавказа. Для них он не видел иной перспективы, кроме как вхождение в состав России, но считал необходимым для русского общества изменить отношение к кавказским народам, познать этот своеобразный мир и проникнуться уважением к его наследию.

«Мы жалуемся, что нет у нас порядочных сведений о народах Кавказа», – говорит в одном из его рассказов офицер, побывавший в плену у горцев. – «Да кто же в том виноват, если не мы сами? Тридцать лет владеем всеми выходами из ущелий, тридцать лет опоясываем угорья стальной цепью штыков, и до сих пор офицеры наши, вместо полезных или, по крайней мере, занимательных известий, вывозили с Кавказа одни шашки, наговицы да пояски под черню. Самые испытательные выучивались плясать лезгинку, но далее – ни зерна. В России я встретился с одним заслуженным штабс-офицером, который на все мои расспросы о Грузии, в которой терся он 12 лет, умел только отвечать, что там очень дешевы фазаны (...) Между тем никакой край мира не может быть столько нов для философа, для историка, для романтика. Когда европейцы с таким постоянством рвутся к истоку Нила, как не желать нам,

⁷⁹ Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 505; 708; 366—367; 422; 626; 598; 501—518.

вратарям Кавказа, взглянуть в эту колыбель человечества, в эту чашу, от коей пролилась красота на все племена Европы и Азии... Не говорю даже как философ – но просто как русский, как солдат: познание Кавказа тесно связано с выгодами нашего отечества»⁸⁰.

Бестужев-Марлинский искал и находил дружбу с дагестанскими и азербайджанскими учеными и просветителями. На его «Письма из Дагестана» и другие произведения ссылались как на серьезные источники и немецкий исследователь Ф. Боденштедт, и русский востоковед И.Н. Берзин.

Но интерес к объективному познанию чуждого мира сочетался у Бестужева-Марлинского с темпераментной фантазией писателя-романтика, склонного, к тому же, к риторически возвышенному слогу, некоторое время модному, а потом даже осмеянному в русской критике. В повести «Амма-лат-бек» он изобразил горца – героического разбойника, справедливого мстителя, в духе шиллеровского Карла Мо-ора, в конце концов разочаровавшегося в своем пути и ставшего трагической жертвой человеческого коварства и собственной ошибки. Разумеется, подобный тип мог быть взят из действительности (предполагают даже существование реального прототипа) – ведь на Кавказе абрек нередко воспринимался именно как защитник угнетенных (подобно опришкам на Карпатах). Но под пером Бестужева-Марлинского – на сгущенном фоне острых страстей и головокружительных приключений – Ам-малат-бек стал еще и романтическим философом, чуть ли не носителем мировой скорби европейского характера; его решение отказаться от борьбы с русскими – плод своеобразного философского кризиса, самостоятельного переосмысления места малых народов в общем миропорядке: они, дескать, не могут дать духовной всемирности; надобно приобщаться к горизонтным великих народов... Разумеется, многое в этом – от самого Марлинского, проекция его субъективности (хотя можно видеть в интеллектуальном насыщении образа (пусть и риторическом) и уважение к горцу, веру в возможность героя-горца духовно стать наравне с героем европейской литературы). Равным образом он субъективизировал – «байронизировал» и «философизировал» – и образ великодушно-бесшабашного русского офицера-удальца, содействовав созданию того романтического мифа о кавказских «потехах», над которыми так иронизировал Лев Толстой. Тут ему порой изменяло и нравственное чувство. Сошлюсь хотя бы на следующий пассаж из «Ам-малат-бека»: «Мы возвращаемся с главнокомандующим (Ермоловым. – *И.Дз.*) из похода в Акушу. Мы свое справили: Шах-Али-хан бежал в Персию; мы сожгли множество деревень, спалили сена, хлеб, покушали мятежнических баранов, и, наконец, когда снег согнал непокорных с вершин недоступных, они поклонились головою, дали заложников»⁸¹. Не правда ли: очень похоже на то, что мы читали в героических хрониках полков и простодушных воспоминаниях карателей...

Немалой заслугой Бестужева-Марлинского была популяризация горского фольклора. Приведенные в «Ам-малат-беке» «смертные песни» горцев вызвали восторг даже у беспощадного ниспровергателя Марлинского-беллетриста – самого Белинского, который писал: «В них так много чувства, так много оригинального, что и Пушкин не постыдился бы назвать их своими».

...Лермонтова как поэта сначала «привели» на Кавказ воспоминания детства, романтический тонус мироощущения и тоска по грандиозному и необычному, потребность в величественном. С юношеских лет он грезил Кавказом, пел ему гимны и избирал его фоном для своих романтически-демонических фантазий. Это был условно-поэтический Кавказ, попасть на который стало своеобразной модой для разочарованных, байронических юношей. Но

⁸⁰ Русские повести и рассказы А. Марлинского. Ч. III. – С.-Петербург, 1837. – С. 167-168.

⁸¹ Бестужев-Марлинский А.А. Ам-малат-бек. Мулла-нур. – Махачкала: Дагиздат, 1968. – С. 50.

вскорости Лермонтову, уже как сосланному за политическую провинность офицеру, суждено было увидеть иной Кавказ – Кавказ как арену исторической драмы; Кавказ, превращенный в грандиозную бойню; Кавказ – место удовлетворения тщеславий, высвобождения атавистических инстинктов, добычи чинов, орденов, пенсий, карьер, богатств.

Нет оснований говорить о том, будто бы Лермонтов ни в коей мере не подпал под власть господствующих настроений, нравственного духа (нравственных асимметрий!) офицерской среды, ее профессионального этикета и фразеологии. В ряде его писем с Кавказа найдем и навязчивый профессиональный жаргон, и привычную браваду вокруг «горячих дел», кровавых «потех», трехзначных цифр жертв и пропавших кровью оврагов, да и неминуемое «романтическое» упоение личной охотой за лично избранным для смертельного преследования горцем. Но уже и здесь за стилизированной гусарской удалью угадываются тревога и растерянность.

Зато в поэзии, освобождаясь от языка окружения и от давления общественного автоматизма, становясь собой, он говорил по-иному:

...Уже затихло все, тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струю дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух..

...И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

По сути этот же вопрос – но в несколько ином аспекте – звучал и в более ранней поэме «Измаил-Бей», где черкес страстно упрекает пленного русского офицера:

За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы, и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно?
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?

Тут уже можно вспомнить знаменитое шевченковское: «Чурек і сакля – все твоє, воно не прошене, не дане...»

По крайней мере в одной памятной поэтической реплике Лермонтов сдернул убранство

гордости, патриотизма и молодчества, которым украшал себя государственный разбой, и бросил резкий дневной свет на бандитский характер «романтики» колониальных походов:

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты...
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель,
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей...

Можно предположить, что такие инвективы производили впечатление, схожее с тем, что давали письма Сергея Ковалева из растерзанного самыми гуманными в мире бомбами Грозного зимой 1994 – 1995-го...

И тут снова вспоминается «Кавказ» Шевченко...

Отсюда уже был один шаг к тому, чтобы признать право горцев на защиту, на вооруженную борьбу, на свободу и независимость, отбрасывая официальные и народноополченские версии о «дикости», «разбое» и «измене» горцев. И фактически Лермонтов этот шаг сделал, впервые в истории русской не только поэзии, но и общественной мысли поменяв в классической для русской ментальности оппозиции: «Отечество» (Россия) – «враг» («немирные» горцы и непокорные народы вообще) – поменяв в этой сакральной оппозиции места субъектов на противоположные: «Врагом сыны отечества разбиты»: став на точку зрения горцев, высказавшись как бы от их имени.

Гражданский вес этого шага тем более велик, что Лермонтову пришлось восстать против стойких предубеждений и представлений своего общества и своей офицерско-дворянской касты.

С этой точки зрения Тарасу Шевченко было «легче»: он сам был сыном угнетенного народа, никакие предрассудки и барьеры не сдерживали и не извращали его сочувственного отношения к «инородцам». Его собственный народ сподобился такой же «заботы» царей, что и горцы: все было так знакомо, узнаваемо и предвидимо. И упорное самостояние его собственного народа, и вооруженное сопротивление горцев органически входили в его общую поэтическую картину и политическую концепцию борьбы человечества за свободу и справедливость.

Зато и пошел Шевченко дальше, чем кто-либо в тогдашней России и Европе, поднялся до такого всеобщего отрицания тирании, до такого «вживания» в беды другого, не блестяще-прославленного, как Греция или Испания (о неволе которых в разные времена много писалось: своего рода ритуал свободолюбия для европейских поэтов), а забытого Богом и людьми маленького народа; до такого понимания равенства народов перед Богом и совестью человечества, ответственности человечества и Бога за самый малый народ; до такого понимания его суверенности и незаменимости в мировом порядке вещей, – которые становятся кодексом человечества лишь в конце XX столетия, да и то лишь теоретическим, «вербальным» кодексом, вопреки которому деется ежедневно и в различных краях мира жестоко и цинично...

Статья вторая

Поэма «Кавказ» написана осенью 1845 года. В истории мировой литературы немного найдется примеров, чтобы поэтическое произведение полтора столетия не теряло своей политической злободневности и моральной остроты, звучало так, будто рождено болью за ны-

нешнее состояние человечества.

«Кавказ» стал свидетельством адекватного представления поэта о происходившем. Причем это было не только, так сказать, принципиальное знание на уровне целостного обра-зоосмысления природы российского царизма (это понятно: Украине уже пришлось выпить «з московської чаші московську отруту»), и этот трагический опыт дал Шевченко такую прозорливость и четкость видения, такую силу предостерегающего слова к человечеству, к которым тогда не возвысился никто другой), – но и знание на конкретном информационном уровне: имею в виду историческую точность, ситуационную зримость, почти документальность многих подробностей колониального действия.

Поэма посвящена памяти художника Якова де Бальмена. Этот добрый приятель Шевченко, иллюстратор рукописного «Кобзаря» 1844 года (вскоре оказавшегося в числе улик против арестованного Шевченко) – хорошо известное лицо в его жизнеописаниях. И глубоко личный мотив, вызванный известием о его гибели на Кавказе, где он находился в составе русского экспедиционного корпуса, придал политической инвективе эмоциональную взрывчатость; но, в свою очередь, этот личный мотив, – что очень характерно для Шевченко вообще, – принял на себя мощный заряд более широких рефлексий и страстей национально-исторического и универсально-гуманистического характера.

Непосредственная боль потери доброго друга растравливается сознанием несправедности этой смерти – по сути невольничьей, за несправедливое, чужое, разбойное дело.

И тут начинает звучать один из дразнящих обертонов трагической темы украинской исторической судьбы: обреченность на служение врагу, обреченность на подвиги ради твоего врага, против врагов твоего врага. В этом случае речь шла о без вины виноватом, о безысходности доброго и честного человека:

І тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката довелось пролити
Кров добру, не чорну. Довелось запить
З московської чаші московську отруту!..

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови. Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы!⁸²

Но это ведь лишь отдельный эпизод на маргинезе большого исторического экрана, заполненного – в других произведениях Шевченко – более зловещими сюжетами:

Так от як кров свою лили
Батьки за Москву і Варшаву,
І вам, синам, передали
Свої кайдани, свою славу!⁸³

Так вот как кровь пришлось отцам

⁸² В переводе П.Антокольского идеологический эвфемизм: «Из царевой чаши царевой отравы». На самом деле: «Из московской чаши московской отравы». – *Авт.*

⁸³ Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. – Т. 1. – К., 1966. – С. 334.

Лить за Москву и за Варшаву
И дать в наследство сыновьям
И цепи, и былую славу!⁸⁴

Тут следует сказать и о вольном или невольном украинском «вкладе» в кавказское миросвершение России. Имею в виду роль черноморского казачества, которое, собственно, и было создано (гением Екатерины II и Потемкина) из остатков запорожцев – как вспоможение русскому воинству в его кавказских освободительных трудах.

(Разумеется, такая же роль отводилась и русскому казачеству – донскому, позже созданному терскому. Александру II принадлежит четкая формулировка его роли: «Главное назначение казачества состоит в выполнении той цели, которую ставит перед собою российская политика. Эта цель заключается в завоевании Кавказа путем его колонизации, и в этой колонизации казаки призваны играть главную роль не только своей военной службой, но они должны, сверх того, являться первыми переселенцами на завоеванных местах и закреплять их своими станицами». И еще: «Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагонамеренным племенам и заселять отнимаемые у них земли»⁸⁵. Горький исторический парадокс: казачество, образовавшееся из людей, искавших свободы от крепостнического государства, было использовано этим государством в своих интересах, для подавления свободы других народов. Так были посеяны ядовитые и устойчивые семена межнациональной вражды. Жертвой имперской политики стало и украинское черноморье, кубанское казачество. «Черноморцы» хотели сохранить хотя бы в приспособленном виде запорожскую вольницу и дух своего народа, его традиции, – но империя имела на них свой расчет и постепенно его осуществляла.)

...Не имея уже причин сдерживать себя в издевательском отношении к «недобиткам» запорожского казачества, Екатерина II в 1790 году, «генваря 10-го», назначила верного друга и погубителя Запорожья Грыцька Нечесу – князя Потемкина-Таврического великим гетьманом екатеринославских и черноморских казачьих войск.

Но вскорости «горестная потеря» – смерть светлейшего – поставила в неопределенность статус черноморского войска. Тогда, пишет историк, «войско отправило в Санкт-Петербург депутатом полковника Головатого для испрошения войску утвердительных грамот и определительного ме-стоводворения. Головатый, ходя от министра к министру и не получая ничего утвердительного, по веселонравию своему, будучи одарен природным умом и дальновидностью, речист, смел и храбр, проводил время более в остроумных шутках... Наконец предстал внезапно пред государыню императрицу в Летнем саду, весь в красном запорожском платье, вооруженный двумя пистолетами с лядункою и саблею, облитым серебром и золотом, и с обритою головою, упал на колени и с сокрушенным сердцем воскликнул: «Стій Мати!» Потом с душевным благоговением и слезами, наворачнувшимися на глаза, произнес следующую речь:

«Жизнедательным державного веления твоего словом перерожденный из неплодного бытия, верный черноморский Кош приемлет ныне дерзновение вознести благодарный глас свой святейшему величеству твоему, купно изглаголати благодарность сердцем его. Приими оную, яко едино к тебе сохраненную, и буди нам прибежище, покров, радование, – та й годі!»

Императрица достойно оценила витиеватость и усердие прославленного малоросса, предоставила соответствующие грамоты и ритуальные подарки, подтвердила за черномор-

⁸⁴ Перевод по изд.: Шевченко Т.Г. Избранные сочинения. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 262.

⁸⁵ Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе // Революция и горец, 1929. – №4/6/. – С. 33, 34.

ским казачеством высокое звание «верного» и державно определила его функции: «Войску черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских».

Увы, как это ни прискорбно для нашего национального чувства, но надо признать, что высокое доверие всех московских «святейших величеств» черноморское войско оправдывало с честью. Достоинейшим были наградой слава, чины и почести. Вот, например, атаман Бурсак.

«5 июня 1800 г. отряд наш переправился за Кубань. Бурсак с конными казаками был командирован вперед и первый завязал дело с черкесами, собравшимися, чтобы остановить наши действия. Подкрепляемый генералом Драшкевичем с пехотой, он сбил неприятеля с занятых им крепких позиций, смешал его, обратил в бегство и преследовал до самых гор. Отчаянное мужество черкес, к защите жилищ своих употребленное, было бесполезно. Отряд наш атаковал их со всех сторон, прогнал в ущелья гор, зажег три аула владельцев Аслан Гирея и брата его Девлета, взял в плен 20 человек, рогатого скота 1500 штук, 4000 овец, несколько лошадей, множество разной домашней рухляди и благополучно вернулся в свои пределы (...) Весь отбитой у черкес скот повелел государь император разделить войскам, участвовавшим в экспедиции».

Еще один эпизод. «Бурсак, пройдя всю ночь, на рассвете 30 числа (это уже в 1802 году. – *И.Дз.*) приблизился тихо к владениям князя Баджука и, приказав пешим не отставать, с конницею кинулся в аулы. Внезапное решительное нападение сие произведено с успехом: черкесы, не ожидавшие оно, пришли в чрезвычайное замешательство. Напрасно 300 полунагих наездников старались защитить свои жилища и прикрыть бегство семейств своих с имуществом в леса и горы. Бурсак мгновенно смял их, истребив на месте до 200 человек; он отрезал от леса бегущих и захватил в плен самого князя Баджука с его семейством и другими владельцами обоюга пола до 25 душ, а узденей и прочих черкес с семействами до 600 душ; отбил рогатого скота 1158 штук, овец 2500 и часть лошадей (...) Государь император, усматривая из всеподданнейших донесений столь успешное действие наших войск против закубанцев, всемилостивейше благоволил наградить атамана Бурсака чином полковника, а султана Али Шеретлу Оглу, верно, с особенным самоотвержением действовавшего против своих единоверцев, в подполковники; но и прочие, оказавшиеся достойными, не лишены высокомонарших милостей. Взятый скот, овец и лошадей повелено раздать войскам, бывшим в действии».

Надо сказать, что Черноморское казачество было очень удобным, профессионально в высшей степени пригодным для осуществления тех функций, которые царизм ему «делегировал». Особенно это касалось сугубо запорожского «рода войск» – так называемых пластунов. Послушаем еще историка.

«Бывшие в войске бездомки (сиромы), более приобвыкшие к военным трудам, презиравшие самую жизнь, алкавшие одних битв и добычи, отличнейшие стрелки, заняв первую цепь над самой Кубанью в топких гнилых болотах, заросших густыми, непроходимыми камышами, и упражнясь там почти безвыходно звериною охотою, служили большою помощью кордонной страже. Сии бесстрашные воины названы пластунами. Неся всегда одежду легкую, сходственную с черкесскою, они отличались необыкновенным проворством, скоростью в своих движениях и действиях. Ружье и подсох (род копья. – *И.Дз.*) единственное их вооружение, а искусство в стрельбе составляет всю их славу. Верный глаз и твердая рука всегда губительны неприятелю. Находясь непрерывно в виду у горцев, они совершенно свыклись со всеми их хитростями и уловками: скрытно наблюдая за всеми действиями неприятеля, они предугадывают его намерения, быстро извещают об оных кордоны и, притаясь в густоте камышей у самой переправы злодеев, первые встречают их своим губительным ружей-

ным огнем»⁸⁶.

Черноморское войско было и экономически выгодным царизму – дешевым, почти на самообеспечении. Его часто использовали как дармовую чернорабочую силу. Современник свидетельствует: «Черноморские казаки были у всех начальников в загоне и держались в черном теле. (...) Надобно правду сказать, начальство Черноморских казаков не только не протестовало против такой несправедливости, но находило в том свою выгоду»⁸⁷.

Трудно сказать, знал ли Шевченко во время написания поэмы о мере причастности Черноморского казачества к всероссийскому подвигу умиротворения Кавказа и стояло ли это малоприятное знание неким далеким фоном за его горькими словами о судьбе Якова де Бальмена. Но это, во всяком случае, не меняет объективной сути дела. «Не за Украину, а за її ката довелось пролить кров» черноморским казакам.

В европейской истории не одна Украина оказывалась в ситуации, когда сыновья народа служили угнетателю и отдавали жизнь за него, погибая или вынужденной, или «героической» смертью. В каждом отдельном случае такие ситуации возникали из своих особенных политических и житейских обстоятельств, имели свою особенную эмоциональную окраску; но общим для них было то, что они обнаруживали искаженность национальной судьбы и глубоко травмировали национальное чувство, хотя и не всегда «синхронно», а порой и с историческим «опозданием».

Скажем, в средние века не один сербский «юнак» (герой) побывал на турецкой службе. А на протяжении XVIII ст. Австрийская империя успешно использовала как своих верных ландскнехтов сербских воинов, поселенцев-«граничар», создавая вокруг них ореол героических защитников общей христианской родины, – с тем, чтобы как только угаснет турецкая угроза, «отблагодарить» их полным закрепощением.

Сербский парадокс нашел свое литературное отражение преимущественно позже, более всего в «Переселениях» («Сеобе») Милоша Црнянского. А вот простодушная экономическая практика немецких князьков XVIII ст., продававших свою молодежь в качестве пушечного мяса европейским монархам и тем сбалансировавших свой бюджет, уже их современниками воспринималась как национальный позор.

У Шиллера этот мотив национального стыда и возмущения вовлекался в широкое демократическое осмысление всего положения немецкого народа; в «Коварстве и любви» он патетически звучит в мощном регистре разоблачения деспотизма и вырожденчества немецких князьков, в гуманистическом проекте переустройства национальной жизни.

У Тараса Шевченко нет прямой аналогии с таким вариантом темы наемничества, но некоторые ассоциативные связи могут возникнуть (вспомним хотя бы: «Як запродав гетьман//У ярмо християн...») или скорбные картины гибели украинских казаков на строительстве Петербурга, на канальских работах – по «разнарядке» Петра I). Вместе с тем у Шевченко имеем идеологически и этически масштабнее развитый мотив «дядьків отечества чужого» – добровольной службы трансформированной украинской элиты державе-угнетательнице: ее работы упырей своего народа, гробокопателей Украины.

Больше непосредственно схожего, вплоть до почти буквальных совпадений, у Шевченко с поэтом итальянского ри-сорджименто Джакомо Леопарди, к примеру, с его поэзией «На памятник Данте» или с одой «К Италии»:

Где сыновья твои?

⁸⁶ Туренко А.М. Исторические записки о войске черноморском // Киевская Старина. – 1887. – Март. – Т. XVIII. – С. 501; 502; 503; 726—727; 509.

⁸⁷ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский Архив. – 1883. – Кн. I. – С. 197—198.

...Италия, твои сыны
 В чужих краях сражаются...
 ...За что сражаются, взгляни в тревоге,
 Там юноши Италии? О боги,
 Там за страну чужую
 Италии клинки обнажены!
 Несчастен тот, кто на полях войны
 Не за отчизну пал,
 Семейного не ради очага,
 Но за чужой народ, *от* рук врага
 Чужого...

(Перевод *Анны Ахматовой*)

...Как уже упоминалось, «Кавказ» написан осенью 1845 года – в ту знаменательную осень, которая дала нам еще и «Еретика», «Большое подземелье» («Великий льох»), «Стоит в селе Суботове...», «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание», «Псалмы Давида» – высокие взлеты Шевченкова гения, сгустки его бунтарской энергии, украинской боли и «иска» мировому порядку. На этой вдохновенной волне он не мог не написать «Кавказ», не мог остаться молчаливым свидетелем надругательства над целыми народами.

К этому времени после относительных неудач русских войск (походы 1841, 1842, 1843 годов) Николай I поставил перед ними задачу в кампании 1845 года переломить ход событий в свою пользу, лично дав обстоятельные инструкции. Сомнений в решительной победе не было. («Скажите Шамилю, что я сотру его в порошок», – будто бы так напутствовал Николай своих полководцев. – «Сие бахвальство привело лишь к одному эффекту: Шамиль рассмеялся»⁸⁸. Вряд ли это простая выдумка А.Дюма: видимо, эта версия имела хождение в войсках.) Предпринятый по настоянию Николая Даргинский поход окончился позорным провалом, с огромными потерями для русской армии. Император не скрывал своего раздражения и требовал укрепить кавказский фронт десятками новых батальонов⁸⁹. Но, с другой стороны, всем было понятно – как нам было понятно при виде истертого в пыль Грозного, – что силы слишком уж неравны («Бесконечные вереницыдвигающихся с севера войск; место убитого солдата тотчас заменялось другим, и горцы недаром говорили: «Русские солдаты как трава: не успел скосить, после первого дождика новая выросла»⁹⁰) и что грубый военный колосс, перед которым дрожит напуганная на столетия вперед Европа, рано или поздно растопчет народы Кавказа, осуществив лозунг Цицианова: «Или покоритесь, или сотритесь с лица земли»⁹¹.

Смертоносное ожесточение освободителей не знало предела, и никакие жертвы не останавливали царских воевод. Во время штурма аула Ахульго, одной из резиденций Шамиля, предпринятого генералом Граббе в 1839 году, «русские потеряли у только что взятых укреплений 4 тысячи человек. (...) Сей день был днем кровавой сечи, какой ни орлы, ни коршуны, парившие над вершинами Кавказа, никогда еще не видывали. Противники буквально плавали в крови; лестницы, с помощью которых влезали на стены, были составлены из трупов. Не слышно было воинственной музыки для ободрения сражающихся. Хрипение умирающих за-

⁸⁸ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 200.

⁸⁹ Русская Старина. – 1885. – Октябрь. – С. 209; 210.

⁹⁰ Зиссерман А. О князе Воронцове и Н.Н.Муравьеве // Русский Вестник. – 1874. – Ноябрь. – С. 89.

⁹¹ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки... – М., 1932. – С. 26.

меняло ее»⁹².

После окончания Крымской войны Россия сосредоточила все свои усилия на Кавказе. Туда была брошена более чем 200-тысячная армия. Военный министр Д.Милютин писал в своих воспоминаниях: «В последние годы войны на Кавказе мы должны были держать громадные силы: пехоты 172 батальона регулярных, 13 батальонов и 7 сотен нерегулярных; конницы 20 эскадронов драгун, 52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных при 242 полевых орудьях. Общий годовой расход на содержание этих войск достигал 30 млн. руб.»⁹³.

Освободительная удавка стягивалась на горле Кавказа все туже.

Потому звучащее в финале «Кавказа»:

Тільки дайте
С вої сині гори
с остатнії... бо вже взяли
І поле, і море.

...Лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поле, и море, —

отражало реальное видение поэтом фактического положения вещей.

И действительно, к этому времени Кавказская война уже входила в третью стадию. Если на первой (XVIII – начало XIX ст.) стратегической задачей российской армии было отрезать горцев от Черного моря и вытеснить их из долин в горы; если на второй стадии (20-е – 30-е годы) стратегия состояла в прокладывании укрепленных линий, которые дробили бы оставшуюся у горцев территорию и обеспечивали продвижение российских войск вглубь, – то на третьей стадии усилия направлялись на методическое сжатие кольца окружения со всех сторон.

При этом, как и раньше, применялась тактика выжженной земли: разрушение и сожжение аулов («поражать население и уничтожать аулы»⁹⁴); захват стад скота и уничтожение посевов и запасов продовольствия («уничтожение хлебов и запасов»; «приказано было зажигать все запасы сена и зерна, которые встретятся на пути»⁹⁵); вырубка и выжигание лесов («вырубали громадные пространства вековых лесов»⁹⁶), – кстати, по свидетельству Льва Толстого, «... план медленного движения в область неприятеля посредством вырубки лесов и истребления продовольствия был план Ермолова и Вельяминова»⁹⁷. Тот же Вельяминов на своем богатом опыте пришел и к другому полководческому постижению: «Таковых народов оружием покорить невозможно...», а потому, изыскивая «средства ускорить покорение горцев», сделал вывод, что «голод есть одно из сильнейших к тому средств», предлагая и конкретный план реализации: «Средство сие состоит в истреблении полей. В первый раз оно было употреблено в прошедшем 1832 году, и теперь ясно видно, до какой степени измождения доведены оным Чеченцы. Без ошибки можно кажется рассчитывать, что горцы не в состо-

⁹² Дюма А. Кавказ. – С. 59.

⁹³ Касумов А.Х. Северный Кавказ... – С. 51.

⁹⁴ Волконский Н.А. Погром Чечни... // Кавказский сборник. Т.V. – Тифлис, 1880. – С. 46.

⁹⁵ Там же. С. – 2; 57.

⁹⁶ Зиссерман А. О князе Болконском и Н.Н.Муравьеве... // Русский вестник. – 1874. – Ноябрь. – С. 93. –

⁹⁷ Толстой Л. Собр. соч. в 20-ти томах. – Т.14. – М., 1964. – С. 96-97.

янии выдержать подобного истребления более пяти лет сряду; нужно только действовать на всем пространстве между Черным и Каспийским морями постоянно, т.е. каждый год, дабы довести их до крайности и поставить в необходимость покориться всем требованиям правительства». И далее: «Запретить горцам, как покорным, так и непокорным, покупать всякого рода жизненные потребности в Кавказской области...»⁹⁸. И т.д.

Впрочем, всевозможные методы планового изуверства практиковались и после официального триумфального завершения Кавказской войны. Вот свидетельство одного из доблестных царских полководцев – в книге, соответствующий раздел которой носит красноречивое название: «О восстании на Кавказе. К восстанию в Терской области в 1877 году» – то есть описывает события, происшедшие более чем через десять лет после «окончательного умирения» Кавказа: «Чтобы примерно наказать аул Зандак (он всегда пользовался влиянием), я с тремя батальонами выступил из Хасав-Юрта, с целью сжечь его, а также и посевы, и этим показать пример, как будут поступать со всеми аулами, которые примкнут к восстанию (...) К несчастью, приближаясь к аулу, я получил с нарочным телеграмму от командующего войсками, в которой передавалось распоряжение главнокомандующего аулов не разорять, так как это увеличит число абреков. Приказание было исполнено, но, по-моему, такой взгляд был ошибочен. Впоследствии, когда нам были развязаны руки и когда генерал Смекалов в Ичкерии находился в затруднительном положении, я, чтобы подать ему помощь, испросил телеграммой у командующего войсками, какой аул нужно уничтожить, и получил ответ: «желательно наказать аул Мискиты». Распустив слух, что иду жечь аул Зандак, я через два дня сжег аул Мискиты и возвратился по другой дороге на Герзель-аул, сделав распоряжение собрать старшин. Я объявил им: «Будет ли вас жечь Алибек, не знаю, но я беспощадно буду уничтожать всякий возмущившийся аул и мне это легко сделать, потому что вы никогда не будете знать, куда я иду»⁹⁹. Комментарии, как говорится, излишни.

Но вместе с тем в 40-е – 50-е годы выходили на первый план и новые элементы стратегии: научно обоснованное коммуникационное освоение Кавказа и более интенсивное, чем прежде, обсаживание его казачьими и другими поселениями – по примеру славного Рима, столь уважаемого его самопровозглашенными преемниками: «В продолжение шестидесятилетней борьбы нашей на Кавказе, последовательное покорение различных частей этого гигантского гнездилища дикого изуверства и разбоя было плодом разработки путей через места, дотоле недоступные для войск, в совокупности с системою Казачьих поселений, хотя в измененной форме, напоминающих Римские постоянные лагеря»¹⁰⁰.

К традициям доблестных римлян апеллировал и выдающийся царский администратор и милитарный теоретик, в будущем военный министр России Д. Милютин, автор записки «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе» (1840 – 1841) и «Наставления к занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других местных предметов» (1843). Специальным предметом его раздумий были «средства покорения и утверждения владычества в крае, в котором народ обороняется сам (изучение войн римлян во время империи, англичан с шотландцами и т.д.), средства колонизации»¹⁰¹. Честный царский генерал не знал выражения «бандформирования», с которым человечество входит в третье тысячелетие нашей эры, и простодушно исходил из того, что «народ обороняется сам»!

⁹⁸ Кавказ и кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. генерального штаба полковником Романовским. – С.-Петербург, 1860. – С. XXIV, XIX-XX, XXI.

⁹⁹ Дополнительные воспоминания севастопольца и кавказца 46 лет спустя. – Витебск, 1901. – С. 151.

¹⁰⁰ Бутурлин С. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России, с проектом сети сих путей, составленном в видах обороны империи. – Чтения... – 1865. – Кн. 4. – Р. I. – С. 2–3.

¹⁰¹ Зайончковский П. Милютин Д.А. Биографический очерк // Дневник Д.А.Милютина. 1873—1875. – М., 1947. – Т. I. – С. 12.

На завоевание Кавказа империя бросила максимум своих военных, интеллектуальных, хозяйственных, колониальных сил. В этих условиях солидарные призывы Тараса Шевченко к горцам питались не столько иллюзорными надеждами, сколько несмиримостью человеческой совести с торжествующим злом.

Однако могущественная империя имела в своем распоряжении достаточно средств, чтобы утверждать в собственных глазах и в глазах мира зло как добро. Она разжигала в русском обществе великодержавную гордыню и патриотизм шовинистического толка, делала ставку на монархическую одурманенность, политическую забитость и покорность массы, превознося именно эти качества как якобы знаки богоизбранности народа (не случайно этот мотив будет постоянно повторяться и в будущем: «Русский народ потому и владеет шестой частью земного шара, что этому убогому, бедному народу дано от Бога то, чего нет у многих более культурных племен: инстинкт государственности»¹⁰².)

Особенная роль отводилась православной религии, долженствовавшей идеологически и духовно утвердить русское господство на Кавказе. Вслед за драгунскими отрядами шел православный батюшка, чтобы, по словам Ермолова, «умягчить сердца сих грубых и в заблуждении закоренелых людей»¹⁰³. Специальная духовная комиссия занималась крещением горцев, прибегая к обману: им обещали, что крещеных освободят от крепостной зависимости и от налогов; когда же обман всплывал наружу и горцы восставали, их подавляли силой¹⁰⁴.

Царизм не останавливался и перед тем, чтобы религиозные ритуалы и само имя Божье использовать для оправдания и благословения кровавой войны, для освящения убийств и диких зверств. На кавказские фронты был мобилизован и тот резервный сверхъестественный феномен, который официально именовался «Русским Богом». О нем стоит поговорить отдельно.

В литературе формулу «Русского Бога» Патриотическая легенда связывала возникновение формулы «Русский Бог» с Мамаем, который будто бы после Куликовской битвы сказал: «Русский Бог... велик». Сначала в идею «Русского Бога» вкладывалось вполне понятное чувство благодарности за победу над Ордой, чувство Божьего заступничества. Но постепенно она трансформировалась в символ особенной, произвольно мотивированной заботы Бога специально о русском народе и его державе (не в пример другим!), в символ богоизбранности этого народа (а собственно – государства и императоров), а со временем – и в идею Божьего попустительства различным историческим фанатериям российских монархов.

Идея «Русского Бога» очень нравилась своим политическим удобством наибольшей руссачке среди российских бого-помазанников – немке Екатерине П. Трогательный эпизод зафиксировал в своих дневниковых заметках ее статс-секретарь А. Храповицкий: «29 сентября 1792. При разборе почты сказывать изволили, что в Москве был разговор у крестьянина К.Т. (помещичьего. – *И.Дз.*) с крестьянином казенным. Кр(естьянин) каз(енный): «За что вашего барина сослали? – Крестьянин Т.: Сказывают, что искал другого Бога. – Крестьянин каз(енный): Так он виноват: на что лучше Русского Бога?» Очень хвалили сие простосердечие»¹⁰⁵.

Во время Отечественной войны 1812 года «Русский Бог» не сходил со страниц прокламаций и патриотических лубков, что естественно.

В литературе формулу «Русского Бога» провозгласил В.Озеров в трагедии «Димитрий Донской». Потом в несколько скорректированном виде ее применял В.Жуковский, испытывая не то великую гордость, не то некоторое смущение от ее патриотически-богохульской чрезмерности: «Русский Бог, Святая Русь – подобных наименований Бога и Отечества, кажется,

¹⁰² Чистяков П.С. Речи октябриста. 1905—1907. – С.-Петербург, 1907. – С. 64.

¹⁰³ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки... – М., 1932. – С. 64.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Памятные записки Храповицкого. – Чтения... – 1862. – Кн. 3. – Р. V. – С. 275.

ни один европейский народ не имеет»¹⁰⁶.

Образец яркой патриотической эксплуатации «Русского Бога» дал Николай Языков в публицистическом стихотворении «К ненашим» (вот откуда – из 1844-го года! – эта бессмертная «невзоровщина»):

О вы, которые хотите
 Преобразить, испортить нас
 И онемечить Русь, внемлите
 Простосердечный мой возглас!
 Умолкнет ваша злость пустая,
 Замрет неверный ваш язык:
 Крепка, надежна Русь святая,
 И русский Бог еще велик!
 Вы, люд заносчивый и дерзкий,
 Вы, опрометчивый оплот
 Ученья школы богомерзкой,
 Вы все – не русский вы народ!

Этот поэтический памфлет был направлен против Чаадаева и других русских «западников»; передовая русская общественность восприняла его как политический донос. Интересно, что еще двадцатью годами раньше известный своей независимостью Петр Вяземский дал совсем иную интерпретацию идеи «Русского Бога» в одноименном стихотворении:

Нужно ль вам истолкованье,
 Что такое русский Бог?
 Вот его вам начертанье,
 Сколько я заметить мог.
 Бог метелей, Бог ухабов,
 Бог мучительных дорог,
 Станций, тараканьих штабов,
 Вот он, вот он, русский Бог.
 Бог голодных, Бог холодных,
 Нищих вдоль и поперек,
 Бог имений недоходных,
 Вот он, вот он, русский Бог.
 Бог грудей и ж... отвислых,
 Бог лаптей и пухлых ног,
 Горьких лиц и сливок кислых,
 Вот он, вот он, русский Бог.
 Бог всех с анненской на шеях,
 Бог дворовых без сапог,
 Бар в санях при двух лакеях,
 Вот он, вот он, русский Бог.
 К глупым полн он благодати,
 К умным беспощадно строг,
 Бог всего, что есть некстати,

¹⁰⁶ Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 томах. – С.-Петербург, 1902. – Т. X. – С. 121.

Вот он, вот он, русский Бог.
Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших на порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский Бог.

Конечно же, Петр Вяземский – скептик и гнилой либерал – не судия пламенным патриотам. Но и сами пламенные патриоты невольно отмечали пикантную специфику «Русского Бога» – его удивительную снисходительность к диким патриотическим фортелям и гибкость приспособления к практике российского начальства. Если верить властимушам, то эта почти что заговорщическая солидарность с ними «их» Бога немало поспособствовала им и в кавказской мороке: «Велик ты, наш русский Бог, покровительствовавший нам даже в наших увлечениях и заблуждениях во время минувшей кавказской войны, кой-когда напоминавший нам поражениями о необходимости быть осмотрительнее, но долготерпеливый и милосердный до конца, несмотря на постоянные попытки многих наших генералов всегда и во всем искушать твою благодать!»¹⁰⁷

Мы уже приводили примеры этих «увлечений» и «искушений». Им несть числа. В них – сама суть освободительства.

«Штабс-капитан овладел аулом открытою силою и после упорного сопротивления сжег его. С десятков горцев убито, 8 взяты в плен; но казаки, как сказано в донесении, в пылу ожесточения сбросили их со скалы»¹⁰⁸.

«5 февраля отряд вторично выступил в поход и занялся истреблением неприятельских поселений. Чеченцы с своими семействами жили в лесу без всякого крова и страдали от холода. Видят они, что дело плохо, и стали просить прощения, обещая жить мирно. Генерал Ермолов прощал тех, кто добровольно покорялся, но зато селения тех жителей, которые сопротивлялись, были совершенно уничтожены»¹⁰⁹.

«Жители аула не сдавались в плен, а с яростью защищались и все погибли под штыками молодцов Апшеронцев. К вечеру весь аул был взят, а на другой день разрушен до основания»¹¹⁰; «...Все аулы и хутора, которые были на пути нашего отступления, запылали...»¹¹¹. И т.д. и т.п.

Остается только напомнить, что все это – и кровь, и пожары, и жестокости, и насилие, и мародерство – пытались освятить христианской цивилизационной миссией и ... именем Бога.

«Горжественный гимн: «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!» – закончил молебствие»¹¹².

(Позже против такого кощунства восстанет Лев Толстой: «Во всех солдатских помещениях висит прибитая к стене так называемая «Солдатская памятка», составленная генералом Драгомировым. Памятка эта есть набор мнимо солдатских народных (совершенно чуждых всякому солдату) глупо-ухарских слов, перемешанных с кощунственными цитатами из Евангелия. Евангельские изречения приведены в подтверждение того, что солдаты должны убивать, зубами грызть своих врагов: «сломался штык, бей кулаком, отказались кулаки, вцепись зубами». В заключение же «Памятки» сказано, что Бог есть генерал солдат: «Бог ваш генерал».

¹⁰⁷ Волконский Н.А. Погром Чечни... // Кавказский сборник. Т.V. – Тифлис, 1880. – С. 54.

¹⁰⁸ Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив, 1883. – Кн. 3. – С. 163.

¹⁰⁹ Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка... – С.-Петербург, 1894. – С. 156.

¹¹⁰ Там же – С. 136.

¹¹¹ Волконский Н.А. Погром Чечни... – С. 14.

¹¹² История 44-го драгунского... полка... – Т. 3. – С.-Петербург, 1894. – С. 91.

Ничего очевиднее этой «Памятки» не доказывает ту ужасную степень невежества, рабской покорности и озверения, до которой дошли в наше время русские люди»¹¹³).

Между прочим: у российских импер-государственников и мессиански настроенной части общественности какое-то болезненно-маниакальное пристрастие: непременно связывать все свои разбои с именем Бога и Богоматери, самовольно оповещать Божье будто бы благословение на свои мерзкие делишки. Вот, например, один из птенцов гнезда Петрова, фельд-маршал Шереметьев, опустошив во время русско-шведской войны всю Лифляндию (факт несомненный, но прочно забытый везде, кроме, разумеется, самой Прибалтики), самозабвенно рапортует Петру: «Чиню тебе известно, что Всесильный Бог и Пресвятая Богоматерь желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили без остатку... только и осталось целого места Пернов да Ревель... а то все запустошено и разорено в конец...»¹¹⁴. И Цицианов – как помните – клялся Богом в том, что будет жечь и вешать... Эти примеры можно было бы продолжать и продолжать.

В более облагороженном виде апелляцию к Божьему Промыслу в видах всяческого расширения империи и всемирного торжества московского православия найдем у ряда писателей и мыслителей православно-патриотического, мессианского толка.

К сожалению, и великий гуманист Достоевский в своих политических построениях допускал вещи, несколько несовместимые с его знаменитым постулатом о том, что все счастье человечества не стоит одной слезы невинного ребенка... Посудите сами:

«Осада была ужасная, и Карамзин описал ее потом чрезвычайно красноречиво. Казанцы защищались как отчаянные, упорно, устойчиво, выносливо. Но вот взорвали подкопы и пустили толпы на приступ, – взяли Казань! Что ж, как поступил царь Иван Васильевич, войдя в Казань? Истребил ли ее жителей поголовно, как потом в Великом Новгороде, чтобы и впредь не мешали? Переселил ли казанцев куда-нибудь в степь, в Азию? Ничуть, даже ни одного татарчонка не выселили, все осталось по-прежнему, и геройские, столь опасные прежде казанцы присмирели навеки. Произошло же это самым простым и сообразным образом: только что овладели городом, как тотчас же и отслужили в Казани молебен, в первый раз с ее основания. Затем заложили православный храм, отобрали тщательно оружие у жителей, поставили русское правительство, а царя казанского вывезли куда следовало, – вот и все; и все это совершилось в один даже день. Немного спустя – и казанцы начали продавать нам халаты, еще немного – стали продавать и мыло. (Я думаю, что это произошло именно в таком порядке, то есть сперва халаты, а потом уж мыло). Тем дело и кончилось. Точь-в-точь и тотчас так же должно кончиться бы и в Турции, если б пришла благая мысль уничтожить наконец этот калифат политически.

Во-первых, тотчас отслужили бы молебен в Святой Софии, – затем патриарх освятил бы вновь Софию; из Москвы, я думаю, в тот же день подошел бы колокол, султана бы вывезли куда следует, – и тем бы все кончилось (...) Прошло бы немного, и турки тотчас же принялись бы нам продавать халаты, а еще немного – и мыло, и может быть, даже лучше казанского»¹¹⁵.

Что же удивительного, если и у современного публициста, воодушевленного роскошными картинами пожаров и руин чеченских городов и сел, видом сотен и тысяч трупов, возникает непреодолимое желание припасть благодарно к Спасителю и водрузить свечи перед образом, – не задумываясь, разумеется, о том, каково это Ему, Спасителю...

«Возвратясь из Чечни, на другой день утром я отправился в церковь преподобного Пимена, что в Суцее. Обычно, войдя в храм, я беру три свечи, из которых одну ставлю на ка-

¹¹³ Толстой Л.Н. О войне и военном деле. – Берлин: Издание Гуго Штейница. – 1902. – С. 29–30.

¹¹⁴ Князьков С. Из прошлого русской земли. Ч. II. – М., 1909. – С. 90.

¹¹⁵ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 23. – Л., 1981. – С. 120.

нун, одну – к празднику, а третью – как душа пожелает. Поставив в этот раз две первые свечи, я вышел в левый предел и замер перед образом Нерукотворного Спаса. Лик его был тень, но в свете уже горевших свеч, в белых остриях пламени я вспомнил явление мне иного, живого образа Нерукотворного Спаса, случившееся в тонком сне на подлете нашего самолета к Моздоку в первый день чеченской нашей кампании. Вдруг это чудо: небесная музыка, теплый, живительный свет, огромные спокойные глаза Спасителя. Он слегка приближался и словно дышал, был по-человечески живым.

Я забыл про это единственное в моей жизни явление и вспомнил лишь теперь, глядя на потемневший лик иконы в церкви преподобного Пимена.

— Господи, у нас нет врагов, – проговорил я сердцем, ставя свечу перед Образом, – и потому мы вправе сказать себе так: нам нужна победа!»¹¹⁶

Кошунство стало привычным, его не замечали и не замечают: ведь оно продолжается и сегодня – снова в Чечню на танках везут иконы, и чиновные златоусты, наскоро умыв ручки, ставят свечи перед образом Богоматери.

Но Шевченко никогда не мог с ним смириться. Во всем его творчестве находим неудержимо острую реакцию на это фарисейство, на это принципиальное подчинение человеческой веры и совести державной политике, потребностям начальства; на это циничное низведение Бога к роли стратегического покровителя деспотизма. В «Кавказе» это сквозной разоблачительный мотив:

За кражу, за войну, за кров,
Щоб братню кров пролити, просять
І потім в дар
Тобі приносять
З пожару вкрадений покров!!

Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом Твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь
Ту братскую, что льют ручьями,
Вот он, дареный палачами,
С пожара краденый покров!..

Это, так сказать, фактологический уровень темы – разоблачение фундаментального лицемерия огосударственной, уворованной у Бога церкви, поставленной на службу системе тотального обмана и разбоя. Однако это лишь обертон более широкого и глубокого обвинения – фарисейскому и по сути дехристианизированному обществу. А это, в свою очередь, обертон главного мотива: слова к самому Богу, требовательного обращения к Нему с вечными вопросами – о несоответствии мира Божьему замыслу, то ли о неясности этого замысла, и почему Он терпит искажение Своего образа, и доколь будет терпеть неправду и глумление над Собой. И хотя Шевченко с горечью оговаривается: «Не нам на прю с Тобою стати!» – он по сути стает на прю с Богом, но не как оппонент, не как отложившийся от Бога, а как тот, кто Ним живет, кто мерит Его Ним же – неизмеримой мерой, кто возвращает Ему Его собственные глаголы:

¹¹⁶ Васильев Л. Нам нужна победа: Заметки о Грозном // Москва. – 1995. – Июль. – С.123

Не нам на прю з Тобою стати!
Не нам діла Твої судить!
Нам тільки плакати, плакати, плакати
І хліб насущний замісить
Кривавим потом і сльозами.
Кати знущаються над нами,
А правда наша п'яна спить.
Коли вона прокинеться?
Коли одпочити
Ляжеш, Боже утомлений?
І нам даси жити!
Ми віруєм Твоїй силі
І духу живому.
Встане правда! встане воля!
І Тобі одному
Помоляться всі язики
Вовіки і віки.
А поки що течуть ріки,
Криваві ріки!

Не нам с Тобой затеять распрю!
Не нам дела Твои судить!
Нам только плакати, плакати, плакати.
И хлеб насущный замесит
Кривавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде – спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется? И когда
Ты ляжешь Опочить, усталый Боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И Тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки,
А пока – струятся реки,
Кривавые реки!

Тут видим, как человеческая мысль, страсть и совесть мучаются среди противостояния двух невозможностей: невозможности примириться с неблагоприятной реальностью Божьего мира и невозможности выйти из этой реальности помимо Бога, без Его «духа живого».

И хотя все Шевченковы сомнения, попреки и терзания остаются в рамках христианской веры и больше не к кому ему обратиться, как только к Богу, – все-таки отмеченные выше претензии к православной практике и сакралитету небезотносительны и к самим библейским догматам:

...У нас
Святу Біблію читає
Святий чернець і навчає,
Що цар якийсь-то свині пас
Та дружню жінку взяв до себе,
А друга вбив. Тепер на небі.
От бачите, які у нас
Сидять на небі!..

...У нас
Святу Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал! Вот как у нас
Пуускают в рай!

Видимо, этот полемический мотив возник у Шевченко как эмоциональный (и моральный) протест против использования идеи христианства для политического гегемонизма, навязывания образа христианского мира как будто бы высшего, более праведного и чистого по сравнению с другими, в частности мусульманским, языческим, «примитивным». Ведь такая «христоцентрическая», «евроцентрическая» установка была стержневой составляющей всех имперских версий о «диких», не просветленных христианской верой народах (в том числе и кавказских), подлежащих насильственной эмансипации и цивилизованию...

Только «христианским» высокомерием и колонизаторским невежеством или колонизаторским злоумышлением можно объяснить имперские догматы о «дикости» народов Кавказа, в частности Северного Кавказа. На самом деле они были наследниками древних культур. Даже если культуру сводить к ее письменным формам (неправомерный, но популярный подход), то и тогда народы Северного Кавказа далеко не были «дикими». Вайнахи (чеченцы, ингуши, бацбийцы), абхазо-адыги (абхазы, абазинцы, убыхи, кабардинцы, черкесы, адыгейцы), дагестанские племена (аварцы, кумыки, лаки, лезгины, таты, даргинцы и др.) были аборигенами Кавказа и жили там еще несколько тысячелетий тому назад. В античные времена они (прежде всего абхазо-адыги) испытывали влияние эллинов, и в свою очередь эллины переняли немало элементов культуры и мифологии этих кавказских племен. Фольклор адыгов сохранил свидетельства об их контактах с предками восточных славян – антами, а позже с Киевской Русью. С другой стороны, наши летописи (Лаврентьевская и Ипатьевская) говорят о «касогах» (адыгах), в «Слове о полку Игореве» фигурируют «полки касожские».

В IX – X ст. на территории нынешнего Дагестана развивается арабоязычная литература, которая получает широкую известность на средневековом Востоке. Дербент был одним из значительных центров этой средневековой культуры Востока.

Общественное и культурное развитие народов Кавказа прервало нашествие Чингисхана. Потом тяжелые удары наносили им турецкая и персидская экспансии, захватнические войны царизма. В этих тяжелых условиях, скажем, адыги трижды начинали создание собственной письменности (XI ст., XVI ст., XIX ст.) Первые записи на аварском языке датиру-

ются 1467 годом, даргинском – 1507¹¹⁷. Из-за исторических обстоятельств национальные алфавиты у народов Северного Кавказа тогда не прижились. Зато большого распространения достигла арабская письменность. Проникали сюда и произведения Фирдоуси, Джами, Гафиза, Саади, Низами...

Академик И. Крачковский отмечал, что вторая волна распространения арабской культуры на Северном Кавказе, нараставшая с XVI ст., создала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, в меньшей степени в Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке¹¹⁸.

Вместе с тем народы Северного Кавказа, в частности Дагестана, дали немало ученых арабской науке, богословию и письменности.

Но наиболее ценными жемчужинами в духовном наследии кавказских народов были шедевры их чрезвычайно богатого и разветвленного фольклора; большое место в их традиционной культуре занимали и импровизации талантливых народных поэтов.

Это – духовный аспект «дикости». А теперь – экономический, хозяйственный.

До покорения Кавказа тут существовала «блестящая черкесская культура», о которой английский путешественник Спенсер писал в 1837 г.: «С первого же момента, когда открылись передо мной черкесские долины, вид страны и населения превзошел мои самые пылкие представления. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных долин и холмов, почти ни одного клочка земли не было не культивировано. Огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по роскошной траве...»¹¹⁹.

«Затем... – деликатно комментирует русский исследователь, поставив выразительное троеточие, – горская культура исчезла...»¹²⁰.

Горские племена одни были уничтожены, другие – загнаны в заоблачные горы («С того времени, как край был завоеван русскими войсками, коренное горское население вытеснено из него и лишено права пользования землями, вся земля, естественно, принадлежала только нашей «матушке-казне»¹²¹); третьи в результате совместных усилий армии и дипломатии вынуждены были переселиться в Турцию (вот один из примеров: «... часть долины р. Мзымты с прилегающими к ней склонами была заселена славившимися как лучшие пчеловоды и садоводы горскими племенами, которые в 1864 г. вынуждены были эмигрировать в Турцию»¹²²).

В результате умиротворения было достигнуто то идеальное состояние, формулу которого позже дал Салтыков-Щедрин: «Народ нет, помпадур есть – чисто!»

Следующим этапом стало «заселение, устройство и оживление Кавказа».

Лучшие земли раздавались «петербургским генералам»¹²³; «много земель было пожаловано разным лицам преимущественно из числа героев кавказской войны»¹²⁴; наконец, участки помельче раздавались переселенцам – «опять таким же пришлым людям, не знающим местных условий, не живущим здесь и не могущим и не желающим лично работать над

¹¹⁷ Саидов М.-С. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. – Вып. I. – Махачкала, 1948. – С. 137.

¹¹⁸ Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Избранные сочинения. – М. – Л., 1960. – Т. 6. – С. 612.

¹¹⁹ Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа // Киевская Старина. – Т. LXXXIII. – Кн. I. – 1903. – Октябрь. – С. 378.

¹²⁰ Там же. – С. 379.

¹²¹ Л.С. Личков. Очерки... // Киевская Старина. – Т. LXXXIII. – Кн. 3. – 1903. – Декабрь. – С. 580.

¹²² Там же. – Т. LXXXII. – Кн. 1. – 1903. – Октябрь. – С. 383.

¹²³ Там же. – С. 381.

¹²⁴ Там же. – Т. LXXXII. – Кн. 3. – 1903. – Декабрь. – С. 581.

местной культурой»¹²⁵.

В результате – «там, где у горцев были пастбища и прекрасный скот, там теперь ни пройти, ни проехать, где были их фруктовые сады, там теперь дичь и живут кабаны и медведи»¹²⁶.

В исследованиях И.Клингена «Основы хозяйства в Сочинском округе» (С.-Петербург, 1897), С.Васюкова «Край гордой красоты» (С.-Петербург, 1902) и других находим поразительные факты деградации хозяйственной культуры Кавказа в условиях колонизации.

«Пришли русские, и страна, имевшая более 2000-летнюю древность, опустела», – цитирует С.Васюков из работы проф. Пастернацкого «Климатические пункты на Черноморском побережье»¹²⁷.

Мало оптимизма и у И. Клингена: «Удалив из страны черкесов в силу общих государственных соображений, мы взяли на себя тяжелый нравственный долг удовлетворить цивилизацию за утраченные силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лет, а погибла в 30 лет под напором чудовищной творческой силы природы, уже не сдерживаемой опытом и сильной рукой аборигена. 60 лет употребила русская армия для того, чтобы ценой невероятных страданий, усилиями неслыханного героизма, завоевать нам эту страну. Сотни миллионов рублей затрачены, сотни тысяч жизней загублены, а теперь эту страну снова нужно брать с бою, как в то первобытное время, когда еще в ней не было человека»¹²⁸.

Как тут не вспомнить то, что несколько раньше писал Василий Каразин Адаму Чарторыйскому – о Крыме: «...После стольких истраченных миллионов и пролития столько крови, и русской, и молдавской, и греческой, и вообще славянской, не считая уже неприятельской» – покорили Крым, но «превратили в пустыню из прекрасной и многолюдной страны, какую он был у турок»¹²⁹.

(Кстати, и переселение на Кавказ колонистов очень часто осуществлялось насильственными методами, было выселением с родных мест масс людей. Документы свидетельствуют о сопротивлении и волнениях среди принудительно переселяемых казаков. Вот обращение к властям казаков станиц Старо-Щербиновской и Комеловской в 1861 году: «При таких условиях и чувствуя, что не заслужили тягостного для нас настоящего определения, мы не можем вообразить без душевного содрогания, каким образом мы, жены, дети должны бросить все наше достояние и в виду брошенных домов, поднявшись, другие без средств, итти на новое поселение, не представляющее для нас лучшей будущности». С тем же обращались и другие станицы: «...Мы со слезами умоляем милостное начальство оставить переселение нас по назначению, чем мы, оставаясь нераздельно с нашей собственностью, можем успокоить рыдающее семейство»¹³⁰.)

(Интересно, что из подобных и других наблюдений, сделанных во время поездки по России и Кавказу, Александр Дюма-отец сделал более широкие – историософские и «футурологические» – выводы: «Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожить. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар. Нельзя понять – тем более при современном уровне цивилизации и культуры – эту одновременную и равную потребность в захвате чужого и беспечность в сохранении и улучшении собственного.

¹²⁵ Там же. – Т. LXXXIII. – Кн. 1. – 1903. – Октябрь. – С. 380.

¹²⁶ Васюков С.Н. Край гордой красоты. – С.-Петербург, 1902. – С. 107.

¹²⁷ Там же. – С. 137.

¹²⁸ Клингген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. – С.-Петербург, 1897. – С. 3.

¹²⁹ Каразин В.Н. Письмо к Адаму Чарторыйскому // Русская Старина, 1871. – Т.3. – С. 707-708.

¹³⁰ Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец, 1929, №5/7/. – С. 33; 34.

В один прекрасный день Россия покорит Константинополь – это неизбежно. Белая раса всегда более склонна к постоянному завоеванию – у темнокожих это стремление является кратковременным импульсом, случайной реакцией. Захватив Константинополь, Россия развалится не как Римская империя на множество частей, а на четыре части, четыре территории.

Северная империя останется подлинно российской государственностью.

На западе сформируется Польша со столицей в Варшаве.

Южная часть со столицей в Тифлисе включит в себя Кавказ, а восточная империя вместит в себя западную и восточную Сибирь»¹³¹.)

...Так что и в гротескных по видимости формулах имперского мироустройства, «христианского» цивилизаторства саркастические филиппики Шевченко были не только метафорически глубоки и емки, но и конкретно мотивированы, точны под углом видения соответствующих процессов, на документальном уровне картины истории:

До нас в науку! ми навчим,
 Почому хліб і сіль почім!
 ...Ви ще темні,
 Святим хрестом не просвіщенні,
 У нас навчіться!.. В нас дери,
 Дери та дай,
 І просто в рай,
 Хоч і рідню всю забери!
 У нас! чого то ми не вмієм?
 І зорі лічим, гречку сієм,
 Французів лаєм. Продаєм
 Або у карти програєм
 Людей... не негрів... а таких
 Таки хрещених... но простих.
 Просвітились! та ще й хочем
 Других просвітити,
 Сонце правди показати
 Сліпим, бачиш, дітям!..
 Все покажем! тільки дайте
 Себе в руки взяти.
 Як і тюрми муровати,
 Кайдани кувати,
 Як і носити!., і як плести
 Кнути узловати, —
 Всьому навчим...

К нам в обученье! Мы сочтем,
 Научим вас, хлеб-соль почем...
 ...Вы не учены,
 Святым крестом не просвещены.
 Но мы научим вас!...Кради,
 Рви, забирай —
 И прямо в рай,

¹³¹ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси, Мерани, 1988. – С.149.

Да и родню всю проводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных, но – простых.
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим,
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайте
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Все поймете...

С немыслимой у других его современников смелостью и категоричностью отбросил Шевченко все общественно-обязательные критерии из арсенала непрошенного цивилизаторства, государственной целесообразности, патриотизма, национальной и религиозной миссии – и, введя «человеческое измерение», оставил один критерий: человеческая свобода и человеческая жизнь. И в его свете какой чудовищной и кровавой предстала вся «героика» Кавказской войны, вкупе с гусарскими «жаркими делами», каким лицемерным и преступным – режим «богопомазанных» монархов и они сами:

За горами гори хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію політі.
Отам-то милостивії ми
Ненагодовану і Голу

Застукали сердешну волю
Та й цькуємо. Лягло костьми
Людей муштрованих чимало.
А сльоз, а крові? Напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втопить
В сльозах удов'їх. А дівочих,
Проливих тайно серед ночі!
А матерних гарячих сльоз!
А батькових старих, кровавих,
Не ріки – море розлилось,
Огненне море! Слава! Слава!
Хортам, і гончим, і псарям,
І нашим батюшкам-царям
Слава!

За горами горы, тучами повиты,
 Засеяны горем, кровию политы.
 Вот там-то милостивцы мы
 Отняли у голодной голи
 Все, что осталось – вплоть до воли, —
 И травим... И легло костями
 Людей муштрованных немало.
 А слез, а крови? Напоить
 Всех императоров бы стало.
 Князей великих утопить
 В слезах вдовиц. А слез девичьих,
 Ночных и тайных слез привычных,
 А материнских горьких слез!
 А слез отцовских, слез кровавых!
 Не реки – море разлилось,
 Пылающее море! Слава,
 Борзым, и гончим, и псарям,
 И нашим батюшкам-царям
 Слава!

Метафора: «огненное море» слез и крови – девичьих, материнских, отцовских – не родилась как эмоциональная гипербола. За нею – то человеческое горе, которое Шевченко видел и сопереживал. Хотя «похоронок» – изобретения советского – тогда не было, но сведения об утратах, о гибели сыновей быстро доходили до родителей: газеты и различные местные ведомости давали регулярно списки жертв, по крайней мере офицеров – практика конца XX ст., практика сбрасывания в ущелья и тайных захоронений «пропавших без вести» тогда еще была в зачаточном состоянии: одно из несовершенств той империи.

А жертвы по тогдашним масштабам были ужасные. В войнах с горцами российские потери намного превосходили количество жертв, понесенных во всех войнах XIX столетия с Турцией и Персией!

Вот соответствующие цифры. Общие потери во всех войнах России на Кавказе и в Закавказье составляли: офицеров – 1217 убитых, 4786 раненых, 138 пленных; «нижних чинов» – 36634 убитых, 97717 раненых, 8663 пленных. Из них в войнах с горцами: офицеров – 804 убитых, 3154 раненых, 92 пленных; «нижних чинов» – 24143 убитых, 61971 раненых, 5915 пленных. Исследователь добавляет: «Из числа раненых значительное число умерло от ран»¹³². Как видим, войны с горцами были ожесточеннее и кровопролитнее «обычных», с регулярным войском других держав.

Трудно сказать, насколько исчерпывающи эти цифры. Назывались и другие. Так, одна лишь ранее упоминавшаяся Даргинская операция, по официальным данным, стоила царской армии 3 генералов, 186 офицеров и 3433 солдат. «Несомненно, цифры сильно уменьшены, – комментирует исследователь. – Фадеев (участник войны, генерал-майор, историк и публицист. – *И.Дз.*), например, считает потери равными 5 тысячам человек, а горцы исчисляют потери русских в 13 тысяч человек. Тем не менее полный провал экспедиции не помешал Во-

¹³² Гизетти А. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801 – 1885. – Тифлис, 1901. – С. II; III.

ронцову получить за нее княжеский титул»¹³³.

В одной из статей Н.Г. Чернышевского, написанной в виду окончания (очередного) Кавказской войны, читаем: «Теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 тысяч русских солдат»¹³⁴.

Во время поездки по Кавказу Александр Дюма был поражен обилием могил: «...Христианский крест и татарский могильный камень так часто встречаются по дороге, что все пространство от Кизляра до Дербента похоже на обширное кладбище. А там, где их нет, как например, от Хасав-Юрта до Чир-Юрта, опасность так велика, что никто не осмелится пойти туда рыть могилы для убитых или поставить над ними крест. Там тела оставляются на пищу шакалам и коршунам; там человеческие кости белеют посреди скелетов лошадей и верблюдов»¹³⁵.

...Тарас Шевченко сказал все это – и гораздо больше – за десяток с лишним лет до Александра Дюма. На десяток с лишним лет раньше Чернышевского, Добролюбова, Толстого. Гораздо раньше и гораздо больше, дойдя до универсальных выводов о «тюрьме народов» и несовместимости ее с самим принципом жизни не то что с какими-то моральными понятиями. От адекватного видения трагического эпизода истории, от сопричастия к судьбе уничтожаемых народов он приходил к универсальному уровню осмысления проблемы свободы как адекватности жизни и бытия в ней всех народов, и его «Кавказ» — зов к человечеству и Богу о мировой справедливости.

Вот почему слово Тараса Шевченко нашло дорогу к сердцам всех угнетенных народов, вот почему его так любят на Кавказе и даже выделяют посреди других дружественных голосов.

Классик грузинской литературы Константинэ Гамсахурдия писал:

«Когда-то Лев Толстой дал достойный ответ тем сочинителям, что повсюду искали «разбойников».

Кто же разбойник? Тот, кто вооружившись до зубов, идет за тридевять земель разорять чужие очаги, или тот, кто берется за оружие, чтоб защитить своих малолетних ребят?

Великий украинский поэт Тарас Шевченко глубоко сочувствовал движению 1800-1870 годов, мощно противостоявшему варварской экспансии Романовых. В своем стихотворении «Кавказ» он братски приветствовал мятежников Северного Кавказа, с несравненным мастерством изобличая завоевателей, прикрывающихся личиной «защитников цивилизации и христианства»¹³⁶.

Приведу для примера сравнение Шевченко и Пушкина в их отношении к Кавказу и борьбе кавказских народов – в статье Ислама Карачайлы «Горцы и их борьба за свободу в творчестве А.С.Пушкина», написанной и опубликованной в то время, когда и о Пушкине можно было «сметь свое суждение иметь»:

«Для нас никогда не было полного, ничем не отравленного наслаждения от пушкинской музыки». Автор статьи с глубоким уважением говорит о пушкинском гении, восхищается великолепием его поэзии, но в то же время с горечью отмечает, что «с другой стороны, – Пушкин это ведь тот, который в поэзии узаконил кавказскую войну, то есть самое беспощадное, самое возмутительное, варварское, организованное истребление горцев». И тут же возникает сравнение с Шевченко: «Поразительно, в то же время, что в противовес поэту-помещику, поэту-дворянину, поэт, выкупленный из крепостной зависимости, из рабства – Тарас Шевченко, воспел борьбу горцев в своей замечательной поэме «Кавказ», которая дол-

¹³³ Кровяков Н. Шамиль. Грозный: Чеченгосиздат, 1941. – С. 58.

¹³⁴ Чернышевский Н.Г. Поли. собр. соч. В 15 т. – Т. 14. – С. 381.

¹³⁵ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 56.

¹³⁶ Гамсахурдия К. Собрание сочинений в 8 томах. – Том 7-8. – Тбилиси, 1981, – С. 301.

гое время находилась под цензурным запретом. В этой поэме, написанной в 1845 году, поэт-крепостной отдает горским народам свои симпатии без остатка в их борьбе с царской крепостнической Россией, попутно вскрывая ложь, лицемерие и противоречие таких ярлыков, как ... «христианство, «православие», «цивилизация» и т.п., которые обычно предназначаются для того, чтобы пыль пустить в глаза, надуть легковерных. В то время, как Шевченко, «мужицкий поэт», с болью и обидой подчеркивал шемящую душу картину национального гнета, при которой на всей необъятной территории России:

От молдаванина до финна
На всех языках все молчит, —

в это время – Пушкин не замечал национального гнета, безмерно-великой трагедии племен, истребление которых поэт благословил, ибо нигде нет ни полунамека, говорящего о его порицании этой бойни»¹³⁷.

Разумеется, это суждение не вполне корректно. Автор не учитывает изменения взглядов Пушкина на Кавказ и кавказские народы, о чем мы выше говорили. И мы привели это высказывание (в своем роде характерное) не для того, чтобы противопоставить двух поэтов, а для того, чтобы показать, как в среде кавказской интеллигенции (до ее истребления) воспринималась объективная разница между ними, разница в «чувстве» Кавказа и судьбы его народов...

...Следует сказать еще о качественном отличии «Кавказа» Шевченко от других произведений европейских литератур, представлявших реакцию гуманистической личности на насилие над чужими народами.

Шевченко подал голос в защиту «малых», «неисторических», «нецивилизованных» народов – в европейской поэзии того времени этой темы как сферы свободолобивой мысли еще не существовало в концептуальном плане. Очень популярной была тема – но это совсем иное! – освободительной борьбы греков против Турции; она породила яркую традицию в политической лирике многих европейских литератур. Тут был неисчерпаемый источник для романтического вдохновения, для взлетов гуманистического духа, взлелеянного на ценностях античной культуры и отмеченных глубокой личной причастностью к «сердцу ойкумены». На эти благородные переживания наслаивались еще представления (отчасти мифологизированные) об измывательстве мусульман над христианами (уже само господство мусульманской Турции над христианской Грецией воспринималось как надругательство – для христианского гуманистического сознания). Таким же образом симпатии и моральный и интеллектуальный резонанс вызывала освободительная борьба итальянцев, испанцев, поляков, мадьяр...

Во всех этих случаях поэтов вдохновлял образ (или миф) исключительного, необычайного своей историей, своим вкладом в культуру и своими страданиями, почти что богоизбранного, почти что мессианского народа, который угнетен варварской силой и без свободы которого не может быть свободы в Европе, спокойствия совести для европейского интеллигента.

Совершенно по-иному обстояло дело с народами Северного Кавказа. В отношении их сложился и получил распространение миф противоположного характера: нецивилизованные племена, самобытное существование которых лишено перспективы и общечеловеческой ценности и которые должна будет взять на цивилизационный буксир одна из «великих» наций.

¹³⁷ Карачайлы И. Горцы и их борьба за свободу в творчестве А.С. Пушкина. (К 130-летию со дня рождения.) // Революция и горец. – 1929, №5-7. – С. 48—49.

Стойкие стереотипы имели хождение не только среди российских обывателей, но и в прессе, в научно-популярной литературе, даже в некоторых публикациях, претендовавших на «ученость».

«Абхазцы природные разбойники», «лживы», «ленивы»; «Осетины вообще крайне ленивы и медлительны. Проявляются между ними и разбойники, но это редко – чаще проявляются у них воры»; «Черкесы по своей природе убийцы, воры и разбойники», «Ингуши – первые мошенники»; «Карачаевцы страшные лентяи и трусливые воры» – длинный набор подобных «научных» определений привел в свое время в журнале «Революция и горец» Гурген Левонян – в статье под красноречивым заглавием «Страна «разбойников» или литературная халтура?» В ней он, в частности, писал:

«Кровопролитные войны Дагестана и Чечни за свою независимость, в течение всей первой половины прошлого века, и славная эпопея неравной борьбы всех горских народов с наступавшим тогда на юг российским самодержавием, – естественно, должны были вызвать в русском обществе живейший интерес к Кавказу и его аборигенам.

Но Кавказ был неведомой и неисследованной страной, о которой можно было составить понятие только по сильно приукрашиваемым рассказам возвращавшихся с походов русских воинов, да по некоторым немногочисленным художественным произведениям, насквозь пропитанным романтизмом. Но, конечно, оба эти источника были односторонни и поверхностны. Они воспевали живописные горы и ущелья Кавказа; передавали детали «кровавых схваток» с туземцами, отстаивавшими свои родные аулы; говорили о ловкости и неуязвимости кавказских джигитов и т.д. Но реальный Кавказ и его народы, переживавшие в борьбе глубокие хозяйственные потрясения, а впоследствии изнывавшие под двойным гнетом царской власти и собственных князей, феодалов, богачей и офицерства, оставались вне поля зрения русского общества»¹³⁸.

Можно возразить автору и сослаться на труды кавказских просветителей Шоры Ногмова, Султана Хан-Гирея, Казн Атажукина и других, писавших и по-русски; русских исследователей Ад.П.Берже, Е.З.Баранова, П.И.Головинского, В.Ф.Миллера и других; украинца Н.Гулака, друга Шевченко; на труды Абиха, Радде, П.Услара, Н.Марра (позже). Но не они определяли знания и представления широкой общественности о Кавказе: господствовал тот поток «халтуры», часто злостной, о которой и говорил Гурген Левонян.

Поверхностность и произвольность преобладала и в писаниях зарубежных авторов (хотя было и немало добросовестных из числа иностранных путешественников: Г.Ю. Клапрот, Р. Скасси, Р. Лайэл, И.Ф. Бларамберг, М. Вагнер, К. Кох, Ж. Тэбу де Мариньи, Ф. Дюбуа де Монпере и др.; интересные сведения о народах Кавказа собраны в составленной В.К. Гардановым книге «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв.» – Нальчик 1974).

Но опять же – все это оставалось для широкой европейской общественности тайной за семью печатями, и она жила совсем другими представлениями. (И в литературе разве что один Дюма захотел и сумел углубиться в проблематику бытия кавказских народов, и, балансируя между лояльностью и учтивостью гостя, с одной стороны, а нелицеприятием и достоинством литературного метра с другой, – много сказал. Хотя еще до поездки Дюма в 1854 году в Париже была поставлена пьеса Поля Мериса «Шамиль».)

Поэтому в европейской прессе кавказские войны обсуждались преимущественно под углом зрения англо-русско-турецко-персидских отношений, в контексте так называемого «восточного вопроса» (о судьбе наследия «больного человека» – Османской империи, о Босфоре и Дарданеллах, о Константинополе); кавказские народы воспринимались скорее как

¹³⁸ Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? // Революция и горец. – 1929. – №1-2 (3-4). – С. 52; 55.

объект, а не как субъект истории.

Такая цивилизационная глухота имела универсальный характер – сентиментальное увлечение «экзотическими» племенами (если это не наталкивалось на прямой колониальный интерес или противостояло чужому колониальному интересу) по большей части спокойно-хонько уживалось с убеждением в том, что они не являются носителями каких-то общечеловеческих ценностей и перспектив. Не меняет сути дела и то, что в контексте перманентного страха перед «русской угрозой» в Западной Европе, в частности Германии, подавление Россией Польши вызывает симпатию и к горцам: «Романтика польских повстанцев и кавказских горцев рождала циклы песен, нацеленных прямо или косвенно против всего русского»¹³⁹. В конце концов, это был преходящий конъюнктурный эпизод, не повлиявший на европейскую концепцию международных отношений того времени.

Фактор малых народов, малых государств (в современном значении) еще только начинали учитывать: Вольтер, Монтескье, Руссо даже высказывались в том духе, что малые государства – более естественное состояние для человеческого общества, однако имелось в виду лишь европейское пространство – вне его применялся совершенно иной подход.

Современник Шевченко французский социолог Ле Пле в работе «Основная конституция человеческого рода» выдвинул идею европейского союза малых держав, который помог бы великим державам согласовывать свои естественные цивилизационные аппетиты за морями: «Союз этот будет даже содействовать целям великих держав, доставляя им посредников для умиротворения столкновений, вызываемых завоеваниями в пустынных пространствах варварского мира»¹⁴⁰.

Как некоторое выпадение из этого стереотипа можно рассматривать кампанию в европейской прессе и литературе в защиту негров Северной Америки. Но тут присутствовал социальный мотив (протест против рабовладения, оскорблявшего европейское гуманистическое сознание). Кроме того, примешивались и политические интересы государств-соперников, каждое из которых в своей пропаганде использовало мотив осуждения рабства (не последней в этом благородном деле была и царская Россия, что и вызвало у Шевченко саркастическое: «...Продаем /Або у карти програем/ Людей... негрів... а таких /Таки хрещених... но простих». «...Продаем /Или за карточным столом /Проигрываем крепостных – /Людей крещеных, но ... простых».

Исключением иного рода был «Вильгельм Телль» Шиллера: гимн свободолюбивым горцам Альп, творцам Швейцарии, гимн человеческому достоинству и божественному праву на свободу, гимн восстанию против чужеземного угнетения. С этим пафосом Шиллера созвучен Шевченко. Но, все-таки, Шиллер написал историческую поэму – он отразил совершившийся исторический факт, воспел (как урок для потомков) давнишнюю победу народа, уже создавшего свое независимое государство и прославившего его. Да и в прошлом, в момент своей борьбы, этот народ, живя в центре Западной Европы, имел иной образ («имидж») и иные возможности для понимания и сочувствия со стороны соседей, чем горцы Кавказа в XIX ст. Так что одно дело – такой исторический миф о европейских горцах, пусть и «переключенный» сознательно в напряжение универсального гражданского и этического сознания, а другое – сотворение нового образа свободолюбивого действия, актуальное сотворение как бы вместе с тем народом новой парадигмы свободы. К тому же – вопреки всей могущественной силе имперского гипноза и общественных предрассудков.

По сути, Шевченко едва ли не первый в Европе нового времени так принципиально поднялся над рутинным делением народов на большие и малые, исторические и неисториче-

¹³⁹ Данилевский Р.Ю. Русские и немцы: тысяча лет общения. – Русская литература. – 1994. – №1. – С. 201.

¹⁴⁰ Основная конституция человеческого рода. Сочинение Ле Пле. С очерком жизни и деятельности автора. – С.-Петербург, 1902. – С. 178.

ские, цивилизованные и нецивилизованные – и «снял» это деление обращением к священному праву каждого народа самому устраивать свою жизнь: ни у кого «не прошенную», никем «не данную». Его великая мысль: «В своїй хаті своя й сила, і правда, і воля» – носила универсальный характер, и в «Кавказе» также видим богатую и глубокую вариацию этой мировоззренческой истины и этого живого чувствования. На высоте этой истины и этого мирочувствования Шевченко отверг евроцентрическую и христоцентрическую картину мира, – хотя основание для отрицания этого «геополитического» христоцентризма ищет в самом Христе: как в Том, для Кого и перед Кем все равносущны и равноценны.

...Есть в мировой поэзии одно произведение, чрезвычайно созвучное нравственному пафосу «Кавказа», с той самой этической коллизией, что и в кавказских событиях. Это – баллада «Разбойник» канадской индианской поэтессы второй половины XIX ст. Полин Джонсон (Текагионвейк). Отряд белых напал на лагерь индиан и жестоко расправился с ними – разумеется, как с «разбойниками». Старая индианка в страстном монологе изобличает белых: они пришли «спасать душу», нести «веру», а на самом деле отобрали все и, бессовестные и бессердечные разбойники, называют «разбойниками» ограбленных ими туземцев только за то, что те не уходят со своей земли. К сожалению, не имеется русского перевода этой баллады, но это полное соответствие тому, что читаем в «Кавказе» Шевченко:

Ми християне: храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! чом ви нам
Платить за сонце не повинні!..

Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас!
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано!..

Это адекватная – на все времена – метафорическая формула всякой тотальной идеи и всякого абсолютизированного государственничества (чтобы избежать заезженного великодержавничества), самой своей природой обреченного на агрессивное мироустройство без временных и пространственных границ...

Но только ли царскую Россию, только ли русский царизм, только ли апофеоз империй смоделировал Шевченко в том «у нас», «мы» и т.д.? Конечно же, прежде всего это едкая и гневно-презрительная пародия на стиль официоза, даже конкретно на стиль царских манифестов. И все-таки, если взять этот шевченковский мотив во всем его объеме, то надо признать, что он обращен к несравненно более широкой клавиатуре человеческого духа. Он перерастает в судный образ всей той цивилизации, что присвоила себе название христианской, не став таковой. Этот масштабный образ содержит в себе, кроме актуальности, вневременность и внелокальность. (Отдельной темой могло бы стать сравнение Шевченкова портрета «христианской» цивилизации с тем, который рисовали другие европейские мыслители XIX ст.,

например, Макс Нордау в «Лжи предсоциалистической культуры» или «поздний» Лев Толстой.) Шевченко судит не только отчужденный мир, он судит всех «нас» (его «мы» и всех «нас» касается), он судит и себя, не исключает никого – и себя – из вины и ответственности. Это и есть его истинно христианское чувство.

Вот почему Шевченков «Кавказ» – не инвектива, не идеологический памфлет, не политическая сатира на языке поэзии. Не только. И не только болевой сигнал из одной точки земного шара, одного узла организма человечества. Это и метафорическая картина общего состояния миропорядка, болезни общественной природы человечества. Ведь то, что позволял себе царизм творить с народами Кавказа, характеризовало не только царизм, но и качество человечества вообще. Вот почему счет Шевченко царизму перерастает в тяжкие вопросы к Богу. В невероятную молитву-прю.

И вот почему «Кавказ» Шевченко – не просто моральная (или гражданская) интеллигентская позиция по отношению к определенным явлениям, – а гнев, мука и полыхание всего его существа. Это в высшей степени «интимное» произведение, в котором проявилась не только мировоззренческая сердцевина личности поэта, но и все «изгибы» его природы и темперамента.

...Бурление сомнений, проклятий и надежд. И все-таки надежда и вера – превыше всего. Это нечто иное, нежели уверенность в победе горцев, – для такой уверенности мало было и мало остается оснований. Но это напутствие-велеие всем «рыцарям свободы». Это жажда победы добра над злом, это утверждение свободы как предназначения человека и человечества, это решимость стоять за правду перед Богом. И тут уже не имело значения, что вызывает Шевченко к Богу христианскому о правде нехристианских народов. Ибо Шевченков Бог — Бог всех, кто взыскует правды:

Борітеся – поборете,
Вам Бог помагає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая!

Вы боритесь – поборете,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Вместо послесловия – без комментариев

1. «Давно-давно, но не очень – всего лишь около ста лет назад – в этих местах, где оставил я сейчас коня, шли также беспощадные битвы (...) Мои предки не на жизнь, а на смерть воевали с белым царем. Слово «русский» было тогда самым ненавистным, самым проклятым, и в бой с русскими шли мои отцы, засучив рукава суровых своих черкесок выше локтей, обнажив кривые сабли и обвязав шею смертным саваном, что означало, что они шли не на шутку, на газават, на смерть, в священную кровавую битву с русскими, в которой готовы погибнуть с честью, для чего и берут с собой заранее свои саваны...

Не мне, не мне писать об их удали. Они дрались и гибли, как львы. Но за что? Как странны, как бессмысленны на этой земле судьбы людей, как абсурдны и жестоки законы человечества! И, думая о прошлом, я медленно трогаю коня (...) Вдруг на небольшой поляне я вижу в траве плоский ржавый камень (...) С большим трудом раздвинув бурьян и счистив с плиты коросту желто-зеленого лишая, я читаю обветрившуюся надпись. Эпитафия гласит:

«Один я на чужбине среди каменистых скал. Ни одной родной души не придет ко мне на могилу и в память мою этих слов не произнесет: «Мир праху твоему, Всеволод».

А сбоку другая, старинными буквами, строгая надпись:

«Здесь покоится прах поручика Апшеронского полка Всеволода Николаевича Грунина, умершего от ран в бою с горцами. 16 августа 1842 года. Покойному было 22 года».

Непонятное вешее дыхание как бы потрясло мою душу. Сто лет тому назад – ровно сто лет – этот русский умный юноша (ибо надпись-то, вероятно, высечена по его завету) погиб здесь в жестокой войне с моими отцами. Мои отцы считали его кровным, самым смертельным, проклятым врагом, и он также считал их чужими... Но что мне сказать о моих переживаниях? Странная судьба выпала на мою долю – как мне с ней быть? Сын гор, я душой и мыслями, и всем моим существом русский человек, и без русского языка, без русской среды нет мне в жизни ничего родного.

Я срываю с головы свою шапку, становлюсь на колени перед могилой и шепчу: «Мир праху твоему, Всеволод». Это я, потомок твоих кровных врагов, произношу тебе, как родному: пусть твоя мысль встретится с моей мыслью – они братья. Пусть эта каменная земля, враждовавшая с тобой, не будет тебе жестка, родной мой, пусть она ляжет над тобой мягче перины, пусть будет сон твой мирным, как эта тишина... Твоя молодая кровь, пролитая на этих скалах, впиталась в почву, и ты видишь – взросло новое племя, в жилах моих течет и частица твоей крови, брат мой. Отщепенец ли я? Не знаю! Но все же спасибо, спасибо тебе! Родная душа пришла на могилу, и, как видишь, на твоём русском языке говорит она тебе: «Мир праху твоему, Всеволод». И за себя, и за своих предков... Спи спокойно!

Идет война. Снова в горах звучит эхо выстрелов, но война эта куда зловещей и грандиозней, чем та, в которой ты погиб.

Как странны, как бессмысленны судьбы людские, но зато закономерны судьбы народов».

(Эффенди Капиев. Из дневника 1942 года // Капиев Э. Избранное. – М.: Худ. лит. – 1979. – С. 444–446).

2. «— Я столько чеченцев убил, что пальцев не хватит пересчитать, – весело говорил старший лейтенант Сережа в качестве своего вступительного слова. – У меня на этой войне убили двоюродного брата. Так что за мной уж дело не станет (...)

Зрелище разрушаемого артиллерией города, надо сказать, поначалу имеет свою странную магическую силу. Внезапно загорающиеся дома, кровавое зарево над горизонтом, метеоритный дождь пылающих осколков похожи на какие-то движущиеся фантастические батальные картинки. В этих картинках нет самого психологически тяжелого момента – лица противника? Я вообще подозреваю, что стрелять из пушки гораздо проще, чем идти на человека с ножом. Но через два, три, четыре, восемь часов ожесточенных артиллерийских упражнений все равно становится невыносимо тошно и хочется все-таки заглянуть в это лицо, в эти глаза, чтобы понять: кто те люди, которых утюжат пушками круглые сутки? Кто тот противник, который вызывает у российской армии не страх, нет. Скорее некое подобие суицидального азарта?»

(Мостовщиков С. Переход российских войск через Сунжу – //Известия. – 1995. – 16 февраля).

3. «Бывший город Грозный. Женя, русская художница, прожила тут всю жизнь (...) В своем доме-крепости Женя с сыном пережили дудаевский беспредел, в подвале пересидели зимнюю войну. Ночью 8 марта к ним в дом пришли омовцы с блок-поста на мосту. Пришли с оружием, пьяные в стельку. Они долго искали что-то, разбрасывая вещи и картины. Что-то маленькое, наверное, бриллианты, которых у Жени отродясь не было. Они изнасиловали ее скопом на глазах у взрослого сына, а уходя, забросали дом гранатами и подожгли».

(Шутова Т. Оглянись, имам //Литературная Россия. – 1995. – 9 июня).

4. «...Колонна российской бронетехники из 35 БТРов двигалась по старой дороге из станции Слепцовская в Грозный. Навстречу ей ехала колонна беженцев из Чечни. Четыре БТРа выехали из колонны и обстреляли автобусы и машины. Когда люди побежали, солдаты стали добивать их из автоматического оружия».

(Желудков А. и Мостовицкий С. Сколько человек не дожило до наведения конституционного порядка? //Известия. – 1994. – 29 декабря).

5. «...Термин «военные действия», подразумевающий противоборство двух сторон, малокорректен, гораздо более точны такие определения, как бойня, убийство».

(Ротарь И. Первой заповедью в новом году должно стать: «Не убий!» //Комсомольская правда. – 1994. – 29 декабря).

6. «По прогнозам специалистов-военных, после очистки Грозного, которая, возможно, закончится через месяц, в Чечне в течение нескольких лет будет процветать бандитизм типа бандеровщины на Украине. Пока Дудаев укрепляет свои базы и тренировочные лагеря в горах. (...) Бомбардировочная авиация только ждет команды, она легко может превратить эти горы в холмы. Только решится ли на такое жестокое решение президент? А времени осталось – до первой листвы. Если не решится, то появятся на карте две Чечни – долинная, освобожденная, и горная, дудаевская. А мы хорошо знаем, что такое две Кореи, два Вьетнама и т.д.

Единственное, что можно сказать с уверенностью, армия свою задачу выполнит. В чеченской войне российская армия считает себя правой».

(Борзенко А. Кровь цвета горящей нефти. //Литературная Россия. – 1995. – 3 февраля).

7. «Подведем некоторые итоги квартала (...) Потери российских войск составили по реальным (хотя и весьма приблизительным) оценкам от 2 до 5 тысяч человек убитыми. Погибло также, по меньшей мере, от 1,5 до 2 тысяч российских граждан, воевавших на стороне Дудаева, а также несколько тысяч мирных жителей Чечни. Более 300 тысяч человек, треть населения республики, стали беженцами и влачат жалкое существование (...) Начатая в интересах укрепления власти война не решила ни одной из стоявших перед нею проблем, а усугубила их и породила новые. Прогнозируемая «пятилетка» создаст для власти едва ли не катастрофические трудности».

(Головков А. Шабетов Т. Первый квартал «чеченской пятилетки». //Известия. – 1995. – 10 марта).

8. «Сергей – киевлянин и в Чечню прибыл добровольно. Впрочем, все эти разговоры об организованном и массовом участии бойцов УНСО в боевых действиях на чеченской стороне – преувеличение. Действительно, унсовцы воевали, но их было немного, и из чеченцев никто не может вспомнить, кого еще, кроме рекламировавшего себя перед западными телекамерами с повязкой УНСО бойца Сашка, они знают. Хотя, надо признать, чеченцы отзываются о нем, как о высокопрофессиональном бойце. Большинство же украинцев было в Чечне, а некоторые и сейчас – самостоятельно – в основном, они с Западной Украины, однако были, правда, и харьковчане, и донетчане (...)

Украинцев в Чечне знают и любят. Причем, как бойцы сопротивления, так и простые чеченцы. Когда общаешься с чеченцами на понятном им и правильном русском и не имитируешь сложности общения на русском языке, – лучше сразу сказать, что ты – с Украины. А еще лучше добавить, что ты – украинец. Отношение людей меняется сразу (...)

На одном из горных «чек-поинтов» нас встретил командир Игорь – капитан российской армии. Сам родом с Украины – еще год назад был офицером украинской армии, но оставил ее из-за материальных соображений и нормального желания «прокормить семью». Игорь великолепно говорит по-украински, и даже как-то непривычно было подымать три первых то-

ста за Украину на позициях российской армии далеко в чеченских горах...

По его словам, до шестидесяти процентов офицеров низшего и среднего звена российского контингента в Чечне являются украинцами или же русскими, связанными с Украиной годами службы или учебой в ее высших учебных заведениях».

(Хотин Р. Украинцы – по обе стороны чеченского фронта //Зеркало недели. – 1995. – 2 сентября).

9. «Как сообщило агентство УНИАН, в Украину пришло 13 цинковых гробов из района боевых действий в Чечении. В них вечным сном почивают украинцы восточных и центральных регионов нашей страны, военнослужащие российской армии, помогавшие «устанавливать конституционный порядок» в мятежной республике.

Используя «украинское пушечное мясо» для защиты своих великодержавных интересов, Россия даже «не нашла» средств, чтобы по-человечески похоронить павших, а обратилась в Министерство обороны и местные военкоматы Украины, чтобы те помогли родным и близким покойных. Цинизм «старшего брата» просто не знает границ».

(Верес Л. Как Россия уменьшает свои расходы на войну с Чечней //Вечірній Київ. – 1995. – 28 января).

10. «...Но я лучше расскажу о том, как нас уничтожают. Буквально месяц назад мог бы показать начиненные фосфором химические снаряды и мины 82 мм, шариковые бомбы, снаряды ЗШ-1 и ЗШ-2 со стреловидными элементами и многое другое. Или еще такое: в городе во время боевых действий, особенно ночью, русские берут квартал и, хотя там нет ни одного нашего солдата, полностью уничтожают его. Причем, как правило, реактивной артиллерией, что запрещено Женевской конвенцией – это ведь не боевые порядки... И так изо дня в день. Вот почему в Грозном практически нет ни одного неразрушенного здания. Такое вот варварство».

(Русские цепи не для чеченцев. Интервью начальника Главного штаба Вооруженных сил Чеченской Республики дивизионного генерала Аслана Масхадова //Українська газета. – 1995. – 22 июня).

11. «...Генерал Рохлин – один из главных исполнителей операции «умиротворения» непокорной Ичкерии. Именно с его появлением в Грозном началось безжалостное и методичское уничтожение населения четырехсоттысячного города. Немало генералов, у которых еще осталась капля совести, отказались участвовать в геноциде чеченского народа, даже подали в отставку, за что некоторым теперь угрожают трибуналом, а этот «герой» безжалостно уничтожает целый народ, стирает, как немцы Ковентри и Гернику, с лица земли города и села».

(Брызгунов Ю. Лицемерие в год юбилея //Молодь України. – 1995. – 10 февраля).

12. «...Что может быть сопоставимо с безумием тех, кто затеял эту ничем не оправданную и никакой реальностью не вызванную войну против собственного народа?»

«Целенаправленная агитация силовых пресс-центров оказалась настолько действенной, что даже сам вермонтский отшельник, вернувшись на родину после столь долгого отсутствия, вынужден сегодня повторять милицейские банальности об «убийствах, ограблениях, терроре над русскими, изгнании их из домов, вообще из Чечни...» (...) Все это позволяет писателю и гуманисту с мировой славой рассуждать о чеченском народе, как о «гноящейся язве» на теле России и давать советы: «Когда есть гангренозный член, то известно: для спасения всего организма его надо отсечь».

(Дементьева И. Хотят ли русские Чечни? //Известия. – 1995. – 17 января).

13. «Как-то, выступая по телевидению, главный «кагебист» России Степашин сказал, что они изучили послевоенный опыт борьбы с бандформированиями и будут применять его в Чечне. Мы, украинцы, помним этот «опыт». Известно, что после освобождения Киева от немцев была создана спецшкола, где готовились отряды, которые «работали» под УПА. Они,

одетые в форму украинских повстанцев, врываются в села, мучили и убивали людей, набивали колодцы трупами женщин, детей, стариков и старух. Те, кто владел украинским языком, выкрикивали лозунги УПА. Остальные убивали молча. При этом «случайно» оставляли в живых двух или трех свидетелей, не «заметив» их. А те рассказывали потом все, что видели и слышали. Коммунистическая печать тут же поднимала крик о «бандеровских резунах».

(Федоров В. Мы это уже проходили //Вечірній Київ. – 1995. – 15 февраля).

14. «РУССКОМУ ОРУЖИЮ – СЛАВА! Во все времена оно было обращено в защиту отечества, во спасение родины, ее целостности (...)

Сегодня надо отдавать себе отчет: российские войска введены в Чечню не для борьбы с чеченским народом, а для того, чтобы выполнить свой конституционный долг».

(Российская газета. – 1995. – 10 февраля).

15. «Российскую армию бросили на самое безнадежное дело: на борьбу с вооруженным народом».

«Наглая ложь – единственный язык, на котором высшие руководители государства говорят со своим народом».

(Сергей Юрский, народный артист России. Хватит утюжить танками собственную землю! //Известия. – 1995. – 5 января).

16. «Я – Павел Грачев», – скромно представляется прохожим молодой уфимец на центральных улицах города и начинает рассказывать о событиях в Чечне. Этого несчастного местные жители уже запомнили. Он далек от армии и никогда не был в Чеченской республике. Очевидно, его место в психбольнице, но душевнобольной ведет себя тихо и никому не угрожает...»

(Этот Грачев никогда не был в Чечне //Известия. – 1995. – 16 февраля).

17. «...Я хотел бы посмотреть в глаза летчиков, которые варварски уничтожили аул, женщин и детей /.../

/.../ Война страшна, но еще страшнее ложь. ...Как можно говорить о целом народе: «Все бандиты, воры, центр мировой мафии...»? Жалкое оправдание своих действий, недостойное мудрых государственных мужей. И поэтому получилась не та Куликовская битва, принесящая славу России, а «куликовская» бойня.

/.../ Толстой понимал нас, горцев, оставил вечное произведение. Нынешние политики к тому же и безграмотны, они из русских самые антирусские. /.../ Бегают по залу Госдумы, показывают медаль «За покорение Кавказа».

Опять ПОКОРЕНИЕ... Они не знают, что каждую вторую медаль вручали вдовам, матерям. И вновь этого хотят?

Покоренных народов нет. Сердца нельзя покорить. Царь говорил о Шамиле с уважением. А Невзоров" болтает «Шамиль – бандит». Мелкие речки всегда шумливы и говорливы, до моря они не доходят.

Русские шовинисты не понимали этого, когда проливалась кровь в Тбилиси, Баку, в Кизляре и Первомайском. Я горжусь, что русская интеллигенция, мои братья-поэты осудили эти преступления. Осудил народ, и это – голос России. Но мне стыдно, что Америка и Европа в эти дни промолчали. И руководители СНГ не подали голоса».

(Гамзатов Р. Остановить войну в Чечне – вот высшая смелость, которая нужна сегодня //Известия. – 1996. – 1 февраля).

18. «Сергей Ковалев решил на короткое время съездить в Москву ради того, чтобы лично встретиться с президентом и лично рассказать ему о том, что же происходит в Чечне. Не со слов насквозь лживого пресс-центра правительства, плутоватых генералов или фантазирующих спецслужб, а по своим собственным впечатлениям и лично проверенным фактам.

— Я хочу, чтобы он смотрел мне в глаза, когда я буду рассказывать ему о тех преступ-

лениях против собственного народа, которые творятся в Чечне. И пусть он мне отвечает, – сказал Сергей Ковалев».

(Яков В. В такой войне и победителей судят //Известия. – 1995. – 6 января).

19. «С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее... и пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости Белого Царя и в несокрушимости меча его... Имя Белого Царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но Белый Царь есть царь и калифу».

«Где в Азии поселится «Урус», там сейчас становится земля русскою».

(Достоевский Ф.М. Дневник писателя //Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – Т.27. – Ленинград, 1984. – С.33; 38).

20. «...В городском архиве до сих пор сохранился портрет Угрюм-Бурчеева (...) Портрет этот производит впечатление очень тяжелое. Перед глазами зрителя восстает чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. Идиоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы (в идиоте злость или доброта – совершенно безразличные качества), а потому, что они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом, как будто дорога, на которой они очутились, принадлежит исключительно им одним. Издали может показаться, что это люди хотя и суровых, но крепко сложившихся убеждений, которые сознательно стремятся к твердо намеченной цели. Однако ж это оптический обман, которым отнюдь не следует увлекаться. Это просто со всех сторон наглухо закупоренные существа, которые ломают вперед, потому что не в состоянии осознать себя в связи с каким бы то ни было порядком явлений...

Обыкновенно противу идиотов принимаются известные меры, чтоб они, в неразумной стремительности, не все опрокидывали, что встречается им на пути. Но меры эти почти всегда касаются только простых идиотов; когда же придатком к идиотству является властность, то дело ограждения общества значительно усложняется... Там, где простой идиот расшибает себе голову или наскაკивает на рожон, идиот властный раздробляет пополам всевозможные рожны и совершает свои, так сказать, бессознательные злодеяния вполне беспрепятственно. Даже в самой бесплодности или очевидном вреде этих злодеяний он не почерпает никаких для себя поучений. Ему нет дела ни до каких результатов, потому что результаты эти выясняются не на нем (он слишком окаменел, чтобы на нем могло что-нибудь отражаться), а на чем-то ином, с чем у него не существует никакой органической связи. Если бы, вследствие усиленной идиотской деятельности, даже весь мир обратился в пустыню, то и этот результат не устрасил бы идиота. Кто знает, быть может, пустыня и представляет в его глазах именно ту обстановку, которая изображает собой идеал человеческого общежития?»

(Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города.: Повесть. – М.: Худ. лит., 1987).